

НИКОЛАЙ ИГНАТЕНКО

ДЕЛЬФИН

роман

Николай Игнатенко

Дельфин

«Автор»

2026

Игнатенко Н.

Дельфин / Н. Игнатенко — «Автор», 2026

Прославившись в раннем возрасте дебютной работой, писатель Лука Николс завяз в штамповке сценариев разных жанров, практически не работая над романами, когда в его жизни спустя долгое время вновь появляется младший брат, Август с возможностью дать шоу в известном театре «Дельфин». Старинное заведение нуждается в реконструкции и необыкновенной программе, точно так же, как и отношения братьев, узлы в которых должны развязаться раз и навсегда. Смогут ли братья вернуть диковинному и прославленному театру его былую славу с представлением, основанным на неопубликованном романе-исповеди Луки, или же, быть может, их замыслам воплотить чудо в жизнь помешает рутина, давние обиды, внезапная любовь, нарушающая планы или даже внезапная трагедия, пожирающая и без того скудное время?

© Игнатенко Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Сентябрь.	6
Глава 1. Два пейзажа.	6
Глава 2. Львиный взгляд.	10
Глава 3. На кусочки.	13
«Мысли и дальнейшие поступки». Фрагмент интервью Луки Николса для AuthArt. Часть 1.	16
Глава 4. Вы правда думаете, вам это под силу?	17
Глава 5. Чудинка.	20
Октябрь.	23
Глава 6. Сон в тяжёлой болезни.	23
Глава 7. Феномен каждые 24 часа.	26
Глава 8. Светская дива на приёме.	29
Глава 9. Тоннели.	32
Глава 10. В лучах бездонного прожектора.	36
Один большой парадокс. Фрагмент интервью Луки Николса для AuthArt. Часть 2.	39
Ноябрь.	41
Глава 11. Беззвучный диалог глаз.	41
Глава 12. Без ума от этой баллады.	46
Глава 13. Смутьян на балконе.	51
Глава 14. Те, кто тоже хочет быть Атлантами.	54
Глава 15. Двенадцать ровно.	58
Глава 16. Оковы, сделанные в попытке быть свободным.	61
Глава 17. Самые талантливые люди своего времени.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Николай Игнатенко

Дельфин

Пролог.

- Ты всё так же без ума от осени?
- Есть вещи, которые остаются с тобой на протяжении всей жизни.
- Значит, хорошо, что осень только начинается.

Август нахмурился. Под бежевым пиджаком виднелась белая пообтрепанная рубашка с двумя расстегнутыми пуговицами и болтающимся распущенным коротким галстуком. Братья сидели в ночном парке и следили за движением кабинок на колесе обозрения, каждый за выбранной им. Наконец, Лука прервал молчание.

- Ты должен знать, что я не хочу держать на тебя обиды. Ты поступал в соответствии со своим сердцем, я не вправе осуждать тебя.

Август жутко откашлялся и выбросил тлеющую сигарету щелчком пальцев.

- Конечно, ты поступаешь великодушно. Я пропил свою жизнь, прокурил, прожёл, и теперь я приползаю на коленях к тебе, брошенному одинокой колонной подпирать наш общий храм, и выстраивать собственную жизнь.

Лука недовольно поморщился и перебил брата:

- Не поднимай прошлое. Оно улеглось там, под слоем воспоминаний, историй, пыли, надежд, всего того, что свойственно детям.

Лука почти не улыбался, не понимал блаженства Августа, которое тот более нигде не чувствовал, кроме сцены и окрестностей своей квартиры - он был мрачен и сер. Лука сидел здесь, на скамейке, в любимом парке Августа, около его дома, на земле его мира и воротил носом от всего подряд - ему было чуждо то, чем живёт младший брат. И вот так, бесполезно-сокрушенно они переглядывались двумя парами красных глаз, уже не ненавидевших друг друга, и безумным среди них двоих чувствовал себя именно Лука, потому что среди них двоих только он ощущал себя, как в аду. Сейчас, среди волнистого ветра, среди закрученных листочков со старых деревьев, окаймляющих неподалеку стоящий дом, Август вгляделся в бесконечный желтый океан в парке и темный исполин города, отбрасывающего свою тень на него, и что-то внутри заговорило:

- Так ты не откажешь мне в помощи? Протянешь руку в ответ?

Лука пожал плечами и просто ответил:

- Да. Держи.

Хлопнув Августа по плечу, он быстро поднялся и пошёл в сторону от ночи.

- Ты знаешь, где меня найти. Я там же, где и был. И да...

Лука словно бы выдавал сакральную тайну:

- Без ума от ноября в частности.

И если до этого момента было неизвестно, говорил он искренне или в очередной раз надел непроницаемую маску, как нередко бывало в общении с Августом, сейчас же многое для младшего брата стало на свои места. Август еще долго смотрел вслед его уходящей фигуре, а затем щёлкнул зажигалкой. До ноября было далеко.

Сентябрь.

Глава 1. Два пейзажа.

Пожалуй, никто бы никогда не сказал, что Лука был писателем. Стекла его квартиры зачастую открывали два замечательных, но дико контрастных пейзажа. Один – из окон, откуда с высоты двадцатого с лишним этажа было видно много разных домов, машин, людей и их жизней, грехов и слез, а второй – в окна, где часто можно было найти творческий беспорядок и распластавшегося в муках творческого кризиса Луку, и иногда случайный мойщик окон заставлял среди этих обрывков надежд действительно необыкновенные строки, которые обратили бы любого в сентиментального влюблённого, но, увы, не обращали...

Лука сидел в мягком кресле издателя и смотрел вдаль через окна.

- Я не могу взять это, Лука. Прости. Слишком трагично.

Лука отреагировал мгновенно, резко привскочив с кресла и обрушившись на классический дубовый стол большого начальника:

- И это мне говорит человек, занимающий пост редактора. Мало того, что ты стал популистом, так еще и выражаешься безграмотно.

Лука приподнялся над аксессуаром успеха на четырех ножках и продолжил:

- «Слишком трагично». Её не бывает много – она либо есть, либо нет.

- Пустой ты писатель, если не понимаешь, что в твоём случае её можно хоть ложкой есть! Книжки, выходившие под моим началом, охватывали всю страну. Моих авторов ставили во всех театрах. Но я учусь, Лука! Я даже слеую твоим инструкциям, но, черт побери, я не могу издавать только трагедии, давай же напишем что-то еще! Будешь разноплановым мастером. Посмотри на портфолио за эти пять лет, в конце концов!

Марк назидательно стучал кулаком по рукописи и слегка сминал ее, а заметив, бережно расправил. Обернувшись в сторону окна, Лука шумно выдохнул и выдал оформленный несколько секунд назад пассаж:

- Ты хотел, чтобы я посмотрел не на историю публикаций, а на продажи, Марк? Тебе нужны продажи, а я их не обеспечу вот таким. Знаю, - он говорил негромко, но с надрывом, сопровождая звуки слов легким свистом, - но я, дружище, слеппен из такого теста, что не могу иначе. Ты знаешь, что бывает, когда настоящая музыка обрывается, Марк? Ты знаешь, ответь мне?

Марк выглядел слегка утомлённым.

- Поведай мне, невеже.

Лука перешел от одного окна к другому и, не смотря на издателя, продолжил:

- Она звучит в душе каждого из слушателей такой, какой он представлял ее дальше. Она звенит и переливается, она наполняется теми оттенками, которые в нее может привести даже самый далекий от искусства человек, но наполняется оттого, что у него есть свой необъятный личный мир, который допишет ее лучше композитора.

Теперь Лука смотрел в глаза Марку:

- Я живу этим же, Марк. И ты, ты же не только мой друг, ты же еще и человек искусства. Ты должен знать. Я не универсальный солдат, чтобы писать по команде то, что покупают. Мне интересны только те сюжеты и те персонажи, которые периодически генерируются в этой голове. Они – моя плоть и кровь. И, если они и должны переживать трагедию, то потому, что так будет лучше для их образов и их места в этом мире. Комедийно они не работают.

Марк помолчал, а затем провел вспотевшими руками по брюкам, растопырив пальцы:

- Давай вернемся к этому разговору через, скажем, недельку. А пока я совершенно точно забираю права на издание твоих последних сценариев в виде книг. Ведь они же будут?

Лука хмыкнул.

Через час писатель уже сидел в одном из небольших, но уютных баров на одной из тех небольших, но уютных улиц, которые он ценил из-за атмосферы, кухни и отсутствия людей. Лука крепко держал бокал левой рукой, рассеянно стуча пальцами правой по столешнице и слушая ритм. С каждой минутой его хватка все усиливалась, пока не эмоции не достигли точки кипения, и рука постепенно занемела. Лука, отвлекшись от мыслей, встряхнул ей, и осушил бокал. Закатанные по локоть рукава темно-синей рубашки открывали несколько небольших тату на левой руке, правая же при этом оставалась нетронутой, лишь только оттененной несколькими заметными браслетами и тканевыми повязками. Шляпа лежала рядом с бокалом, на стойке, и в ее сторону Лука посматривал пару-тройку раз за минуту, блуждая черным и темным взглядом, в котором просматривалась целая гамма эмоций, различимая лишь при линзах, добавляющих взору пронизательность и сочувствие.

Лука провел рукой по шее и решительно встрепенулся, вдруг сжав кулаки. Взяв шляпу, он направился к выходу, как вдруг на входе его перехватила вбежавшая в бар девушка, и, бесцеремонно обняв и поцеловав в щеку, потащила обратно в глубину заведения к ближайшему свободному столику. С пристрастием понаблюдав за парой со стороны, можно было четко и уверенно охарактеризовать молодых людей как друзей – дистанция определенно чувствовалась с обеих сторон, расстояние в мелочах, но это был тот тип дистанции, которая не мешает, а приукрашивает многолетние отношения: она не дает им скатиться в бездну чувств, не нужных обоим, и, что более важно, не испытываемых обоими на самом деле.

- Я уже хотел было идти за тобой. Не думал, что Октавия может прийти вовремя.

С приходом подружки Лука заметно просветлел. Октавия завязала распутившиеся непослушные русые волосы и, улыбаясь, принялась пристально испытывать Луку взглядом ярчайших голубых глаз.

- Ты снова меня будешь вот именно так расспрашивать обо всем?

- По-другому ты мне можешь соврать.

Октавия заказала себе кофе с только ей известным сиропом, и откинувшись на стойку бара спиной, обернулась ко входу, запрокинув голову. Мужчины со всех концов заведения стали уже почти бесцеремонно разглядывать девушку, что Октавию совсем не смущало. Лука не был в настроении, а потому он задал свой типичный для такого своего состояния вопрос, прокручивая в голове лишь варианты её ответа, каждый из которых он уже слышал:

- Скажи-ка мне, почему на меня это не действует?

Лука всюду улыбался, зная, что ждет этих ловеласов, принявших на грудь уже с утра, стоит им лишь подойти. Октавия неопределенно вздохнула, и отпила из бокала:

- Потому что ты слишком много знаешь, слишком много думаешь и слишком мало пьешь.

Лука отпил в ответ и покачал головой.

- Это не причина.

- Я знаю. Я так говорю, потому что причина мне неизвестна.

- То-то же.

Диалог входил в русло, в котором люди, знающие друг друга от года до трёх, начинали сомневаться в теплоте друг друга. Собеседникам это не грозило.

- Марк взял рукопись?

- Взял бы – я бы пригласил тебя не в «Secret».

Октавия вскинула брови и снова откинулась спиной на стойку бара.

- Ты бы пригласил меня именно сюда, потому что ты любишь именно такие места. Ты любишь «Secret».

Девушка многозначительно смотрела в глаза другу.

- Новый сценарий уже готов. Я понесу его в «Равенну». Если ты не забыла, то я еще несколько лет назад считался самым многообещающим писателем во всей стране.

- Ты понесёшь в «Равенну»? Или все же...

Собеседник проигнорировал вопрос вслух, отреагировав на него лишь скорбно поднятыми бровями.

Октавия улыбнулась губами, и достала из сумочки листок.

- Это письмо. Уведомление, вернее. Что некий Лука Николс не отвечает на письменные извещения на постоянной основе от Театра Христофора, а, тем временем, две его пьесы вошли в репертуар на эти месяцы. Да, и где твой телефон?

- К черту телефон. Он сейчас отключен, но это сейчас так важно? Христофор взял две пьесы? Какие? Скажи мне, что это?

Лука явно оживился и стал подался вперед, к подруге.

- Ты выглядишь как начинающий писатель, каждая работа которого способна прокормить его в ближайшие несколько недель.

Лука продолжал испытующе смотреть на девушку. Та взмахнула ресницами и продолжила:

- «Лягушатник» и «Бенц». Первый уже вообще ставят на днях. И ты никогда не отключал телефон. Письма переадресовали мне. И такое случается не впервые. Мой адрес пошел по рукам в театральной сфере из-за тебя.

Лука потёр переносицу, снова пропустив мимо ушей часть речи подруги, ныряя в свои собственные мысли еще глубже.

- Быстро они сориентировались. И отрепетировать успели. Да, я отключил интернет, а не телефон. Звонки доступны.

Октавия улыбнулась:

- По-твоему, сейчас кто-то звонит, а не пишет?

Она подпёрла голову кулаками, пока очаровательная улыбка понемногу стекала с лица:

- Или ты потерял счёт времени?

Писатель разглядывал стол в разочаровании:

- Первый сценарий – классическая комедия, вторая – корпоративная сатира. В первой скорее больше вымысла и иронии, чем реальных событий, а во второй – больше корпоративных терминов, чем сатиры.

- Не мне это рассказывать. Я знаю это не хуже тебя. Эти две пьесы были номинированы на лучшие не выбранные для репертуаров сценарии в прошлом году.

- Октавия, эти две пьесы, какими бы они ни были, не отражают меня как творческую личность. Я не говорю о гениальности, мне нет дела до признания. Я говорю об актерах, которые ее будут воплощать в жизнь. Для того, чтобы сыграть в «Памяти», нужно уметь не только кривляться, но и молчать на сцене, а для «Лягушатника» необходимо посмеяться над собой. Я не спорю, что для нас одинаково важно и то, и другое, но крен в сторону последнего меня настораживает.

Он водил рукой по подбородку.

- «Память» не возьмут, ей не интересуются. «Память» берет за душу, память рвет в тебе все жилы, и пускает их на ветер воздушными змеями, а такое будет смотреться либо пошло и нудно, либо изумительно. И, знаешь, почему не возьмут? Потому что я уже написал «Пустоты в недоверии», а издатель боится, что до той планки драмы я не дотяну. Я же знаю!

- А ты не думал, что это вопрос личного восприятия?

Лука замер, глядя прямо на Октавию, а в поведении чувствовалась уверенность, столь знакомая подруге. Девушка вздохнула и еще немного отпила из бокала.

- «Память» - история, которую ты переложил на листы, не понимая, что это уничтожает тебя.

- В этом мой долг как писателя, как драматурга.

- В этом твоя ошибка как творческой личности. Ты не бездарный актер, сходи и сыграй свои переживания. Твой долг как писателя – рассказать читателю историю, близкую ему, а ты препарировал себя и замахиваешься на все возможные моральные награды.

- А может сразу и поставить?

- Твоя проблема в том, что никто, кроме тебя, этого не поймет, не пройдет, не прочувствует и не умрет за персонажа, не почувствует...

- Давление в груди. Когда ты не можешь спать, крутишься, уставившись в бесконечность, и тебя не волнует, что вас с этой бездной разделяет потолок. Никто не расскажет о чувствах лучше меня, потому что...

- Потому что ты пишешь первоклассные пьесы?

Октавия говорила мягко, в голосе звучала грусть вперемешку с удовлетворением.

- Никто не знает этой истории так, как знаешь ты. Для всех это лишь одна из сложных пьес или романов, которые вызывают слёзы. И...

Девушка помедлила:

- И то не всегда, да. Такое сейчас время.

- Это ли не делает тираж?

- Ныне, увы, нет.

Лука помедлил, а затем, не отрывая взгляд от глаз подруги, отчетливо заговорил, сопровождая свои слова шальным скачущим огоньком блика среди черни глаз:

- Тогда и мира сейчас нет.

- Мир не останавливается и не уничтожается по твоему слову, Лука.

Октавия вновь испытующе ответила ему взглядом на взгляд:

- Так ты идешь на премьеру «Лягушатника»?

Глава 2. Львиный взгляд.

- Мне кажется, или в такие минуты у тебя по-настоящему львиный взгляд.
- Тебе кажется. Странные метафоры.
- Ты всю жизнь будешь поправлять.
- А ты всю жизнь пытаться нацепить мне гриву.

Октавия хихикнула, и поправила пышную прическу. Ее лиловое платье было очень изящно подобрано по фигуре, а вся она пестрела драгоценностями. Антракт между действиями был слишком скоротечен для серьезных разговоров. Лука стоял, опершись на колонну, и звенел кольцами по бокалу. В смокинге он чувствовал себя на удивление уверенно, сказывалась многолетняя привычка и адаптация к торжественным мероприятиям. Баловень судьбы, который написал свой первый рассказ в семнадцать, едва не скатился на самое дно всех литературных рейтингов и котировок из-за странностей, непонятных для публики. «Пустоты в недоверии» оказались не по-детски откровенными, обнажили правду об отношениях в семье, которую прочесть и применить к себе было не под силу каждому. Тем не менее, пробовал каждый пятый житель, о чем свидетельствовали продажи, а Лука из одной пресс-конференции в другую перемещался, слушая провокационный и пошлый вопрос, мог ли он сам оказаться в том или ином замшевом пальто семьи Инфер. Семнадцатилетний мальчик предстал вундеркиндом перед всей страной, и вот уже агенты и представители тянули свои запачканные в виски и чернилах руки к его новым и старым черновикам.

Тогда-то Лука всех и удивил. Он перенес «Пустоты в недоверии» на сцену, слегка неопытно и местами топорно, пускай и с оговоркой на возраст, перебил роман в сценарий, который, тем не менее, каким-то чудом оказался выигрышным и у критиков, и у аудитории. С тех пор, смокинг – неизменный атрибут гардероба едва ли не чрезмерно атлетичного для писателя молодого человека.

- «Лягушатник» уже сейчас кажется мне гениальным.
- Ты льстишь мне.
- Нисколько.

Октавия умела обманывать, крутить не только мгновениями, но и целыми жизнями, но с другом она была неизменно откровенна. И потому что слишком долгие узы их связывали, и потому что тот безошибочно и слегка играючи угадывал ее правду и ложь, пускай и никогда не говорил ей об этом. А ей не нужно было об этом говорить. Октавия и так об этом знала. Они устроились в мягкие красные кресла, и Октавия стала постепенно поглощаться действием на сцене, а Лука, в ранние годы находивший забавным рассказывать подруге о том, что ее ожидает впереди, теперь всецело отдавался игре актеров. Подперев рукой голову, писатель рассуждал в своих мыслях, верит ли он сам этим бесконечно талантливым людям, и как бы он хотел видеть их игру в идеале.

Удивительная пара друзей сосуществовала в таком режиме уже много лет. Их взаимоотношения строились на прочном фундаменте взаимной выручки и глубокого опыта, пережитого вместе. Не всегда понимая, не всегда уважая даже выборы друг друга, они всё же оставались друзьями, важными людьми в тонкой системе координат внутреннего устройства. Лука и Октавия были слишком разными людьми, чтобы понимать и принимать истоки поступков, но они всё-таки были полезными друг для друга хотя бы ради критики и необъяснимо тёплого отношения друг к другу. Разногласия в отношении к жизни и миру в целом не мешали им быть близкими и дарить важные эмоции через фразы и нахождение в обществе друг друга.

Проходя через перипетии отношений, Октавия всё же осуществила свою мечту стать дизайнером. Обучаясь на соответствующем факультете, девушка, как и все студенты, не была уверена, получится ли у неё сделать карьеру на этом поприще, однако у неё вышло, пускай и не

сразу. Когда её кандидатуру (читай, эскизы в портфолио) отвергли сразу несколько компаний, она уже почти отчаялась, посылая резюме в последние, однако в одной из них паззл сложился окончательно. Талант и трудолюбие помогли ей подняться на самый верх корпорации, хоть на это и ушли годы, однако управленческим функциям она предпочла работу в креативном отделе, вернее, руководством над таким. С тех пор, как она любила говорить, «мечты исполняются каждый день, в виде зарплаты или в виде удовольствия от процесса». Так, не обделённая музыкальным даром девушка сделала карьеру в сфере своей мечты, одновременно получив доступ в высший свет, что для нее значило чуть больше, нежели все.

Молодой актёр на сцене слегка перепутал реплику, но знает об этом только он, и, пускай, смысл не потерян, но это ведь неточность. Сатира требует сил, сатира требует понимания и толики жестокости по отношению ко всем вокруг и желания исправить, переставить все с головы на ноги, хотя окружающие и думают, что стоят на этих самых ногах. Неточность прощительна здесь и сейчас, парень горит за героя. Артист раз за разом на протяжении пьесы срывал внутренние аплодисменты в голове у Луки неоспоримым стремлением прожить своего персонажа.

Октавия с придыханием смотрела за действием, чем удивляла Луку. Подруга никогда не была сторонницей сатиры, ей было свойственно идеализировать общество и людей в отдельности, вернее, обращать внимание лишь на их положительные стороны, потому на проступки она реагировала необычайно остро, каждый раз удивляясь им. Писатель считал это не успевшей выветриться юношеской наивностью, неизменно поражаясь гневу Октавии на несовершенство человека.

- Это действительно правда? Что ты написал это за неделю?

- За восемь дней. В последний я выбирал название.

Октавия, не отрывая взгляд от сцены, удовлетворенно хмыкнула, а потом громко расхохоталась вместе со всем залом. Лука улыбнулся и вернулся к серьезному виду. «Официант» играет чересчур развязно. Актер со слишком пёстрой палитрой харизмы, а это не всегда комплимент. Нелегко был автором на постановке, а еще хуже – не иметь никакого отношения к творящемуся действию. «Лягушатник» был наименее любимым произведением Луки. Написал он его за 8 дней не от выливающегося на страницы неразбавленного таланта, а от желания выполнить поставленную самому себе задачу хотя бы попробовать себя в сатире. Так, заставив себя сесть за стол, он очутился там же и спустя неделю и один день с готовым сценарием, который в форме романа или повести занял бы куда больше времени и сил. Лука практически не редактировал классическую историю о человеческой жадности, потому как хотел оставить ее в сырой, первозданной форме. Так возник ресторан «Гарсо» и многочисленные персонажи, вращающиеся вокруг него, как дети на карусели, находясь на расстоянии вытянутой лапы, держащей их лодочку, от центра аттракциона.

- Ты знаешь немного больше нас всех, Лука.

Лука потер переносицу и кивнул не то Октавии, не то самому себе, переносясь на сцену.

- Или просто насмотрелся архетипов в фильмах.

Персонажи действительно было до боли шаблонные. Ушлый и хитрый управляющий ресторана, копящий деньги на то, чтобы выкупить его часть, ворую деньги у инфантильных собственников, вышел совершенно карикатурным, даром что театр Христофора без лишних вопросов взял пьесу в том неотесанном формате, который Лука и предоставил. Постоянный клиент, обедающий в «Гарсо» только потому, что у управляющего был на него компромат, а взамен на его неразглашение был попрошен неперемный чек на несколько тысяч каждый день в три часа дня. Мокрое и красное лицо несчастного шантажируемого уже вызывало жалость, хотя проступок аудитория так и не узнает.

- Измена?

Октавия почему-то снова все сводила к этому. Вот и сейчас, пристально вглядываясь в старательно тужащегося актера, она бросила отрывистую фразу, продолжая разбирать сцену на винтики. Лука сдержал желание поморщиться. Не то чтобы он был раздражен, однако почему бы и не посмотреть на персонажа не только со своей колокольни. Не всякий шантаж грозит вскрытием запретных встреч.

- Отмывание денег.

- Скучно же.

- Как и в жизни. И вообще, я не должен тебе этого говорить.

Девушка свое желание сморщиться не удерживала. Писатель сделал вид, что не заметил гримасы, теперь уже сам не желая отрывать взгляд от сцены, хотя смотреть там было не на что.

- Лучше бы ты придумала свою предысторию, чем слушала мою. Так оно и задумано.

- Неправда, это целиком твой сценарий, кто лучше тебя знает, что их привело к этому моменту?

На это отвечать Лука намеренно не стал и принялся вращать вокруг запястья больно врезавшиеся в кожу мраморные шарики браслета. Фешенебельная обстановка «Гарсо» совершенно точно обеднела в умелых руках реквизиторов театра Христофора: напыщенность и помпезность, сменявшие друг друга в голове у автора во время написания «Лягушатника», здесь олицетворялись золотыми занавесками и отбеленными, как зубы у только-только восходящей кинозвезды, скатертями на столах.

Местная интерпретация босса сомнительных организаций, Дравински, заглядывающего на трапезу сразу после того, как ресторан покидал шантажируемый клиент, только для того, чтобы взять с управляющего часть денег, которые только что оставил предыдущий посетитель, Луку не убеждала. Смешно это не выглядело, ограниченность веяло не от персонажа, а от самого актера, его небрежно качавшего по сцене, что аутентичности не добавляло – писатель раздражался с каждой минутой. Парадоксальность в ситуации даже не проглядывалась, деньги просто перемещались из одного кармана в другой, причем процесс этот отмечался невыразимым слабоумием на лицах некоторых лицедеев. Лука позволил себе подумать о чем-либо еще, пока Октавия не прервет его путешествие подальше от Христофора, «Гарсо», да даже ее самой.

Лука очень переживал, что критики подумают, будто бы «Лягушатник» написан для денег. На самом деле, это был чистый эксперимент, но не надо жанрами, как того усердно и глупо требовал Марк, а над театральной сферой. Любопытство перевесило стремление сохранить лицо и безупречную репутацию – так пьеса полетела по всем возможным пристанищам актеров. Нарботанное портфолио – и от тебя возьмут даже описание трапезы тучного мужчины, задолжавшего денег управляющему ресторана для богатеев.

- Только не говори, что ты видел таких людей.

- Видел отдаленно похожих, а дальше стоило только выкрутить ручку, отвечающую за характеристики, на максимум.

Снова отстрелявшись дежурным ответом, Лука вдруг растревожился о том, что Октавии действительно нравится написанное. Вкус ее вроде бы никогда не подводил, но тут она могла быть предвзята...

- Ни за что не поверю, нет. Даже примерно похожих на таких чудачков существ не бывает. Антракт.

Глава 3. На кусочки.

«...есть такие минуты, когда что-то не дает покоя, но ты можешь объяснить, что именно. Ты погружаешься в самого себя, но этого недостаточно, чтобы дать ответ. Ты можешь до самых основ разрыть свои мечты и желания, в корне вырвать свой грех вместе с мыслями, но так и не придешь к искомому. Потому что все, что ты ищешь – в твоей душе, а разрывая на кусочки голову, делу не поможешь».

Глубокой ночью казалось, что тут не бывает утра вообще. Тем не менее, с восходом Солнца и его постепенным установлением диктатуры над всем живым и неживым, ровно настолько же можно было бы усомниться в существовании ночи в этом необыкновенном городе. Осень пересчитывала свои листочки под окнами у Луки, когда тот, поставив одну ногу на стул, зажал карандаш в зубах и судорожно бегал воспаленными глазами по тетради, зажав под мышкой тетрадь нотную с чем-то еще более особенным, и пытался вывести прыгавшую песню из головы. Яркое светило играло с мощно опустившейся на паркет тенью писателя-композитора, в то время как тот находился в только что созданном им измерении и никак не мог нанести последние орнаменты на величественные сооружения только что сотканных им миров.

Захлопнув рукопись, Лука вышел на балкон, и стал методично разрывать на кусочки голову, не помогая делу. Он порой сам не верил своим словам, хотя этого никто не видел. Он создавал впечатление того самого счастливчика, который помимо дикой удачи, обладал колоссальным трудолюбием и целеустремленностью. Обаяния ему тоже было не занимать, но не позволял себе быть вешалкой для девушек, это было бы совсем уж низко как к ним, так и к нему самому. Потому ночевал он у себя, ночевал один, но со своими мыслями, которых было достаточно, чтобы слепить среднестатистического человека во плоти. Лука стоял на балконе, и его черный силуэт на рассвете придавал образу некоторую тревогу.

Лука, склонив голову, спрятал глаза от огней нового солнца, и отдался призракам, дрожащим в его разуме уже многие месяцы, а когда открыл их, то заполнившая их влага откуда-то из самых глубин человеческого нутра вышла на свет Божий. Резко вскинув голову, он мигом направил глаза прямо навстречу солнцу, и четко промолвил:

- Как бы не заблудиться среди трех сосен одиночества.

Тяжелая поступь туфель привела его обратно в квартиру и к рабочему столу, где Лука снова очутился в его собственном лесу из мыслей и листов...

- Почему у вас в «Secret» всегда так много сахара? В любом другом кафе всегда дают два, ну три пакетика, а у вас все пять.

Официант был предельно вежлив, однако каким образом он не попал на экран после таких реплик – оставалось загадкой:

- Мы посчитали, что вашей жизни будет мало трех, и, уж тем более, двух.

- Вы не думайте, не жалуюсь, но использую я не больше двух.

- Не это ли корень ваших проблем?

Официант удалился, а Лука был развеселен его нескромным паясничеством. Приятный мягкий джаз на фоне создавал ощущение уютного маленького городка с маленьким уютным кафе, но с городком это было бы большой ошибкой. Размешав сироп в кофе, Лука увидел, как в заведение входит высокий молодой человек с светлыми волосами, которые только-только перешли в категорию «длинные», аккуратно уложенными за уши. Новому постояльцу сопутствовала легкая ослепительная улыбка парадоксально желтоватых зубов, а черные точь-в-точь, как у Луки, глаза были обращены не в сторону листов бумаги и благотворительности, а к яркому неоновому свету ночной жизни. Лука приподнялся и приобнял высокого человека, едва не скорчив гримасу от крепости объятий того.

- Встал в такую рань? Бегал?

В руках у Августа была еще тлеющая сигарета, а сам он больше походил на уличного бродягу, чем на утреннего бегуна по пустым улицам с мыслями наедине и музыкой в наушниках. Август, если и бегал, то бегал от проблем, игнорируя светофоры.

- В этом я похож с тобой. Я бегаю только тогда, когда прижмут.

- Как успехи, братик?

- Уж поверь, в «Лягушатнике» я играть не буду.

- Тебя туда и не зовут.

Братья замолчали. Темный Лука и светлый Август являлись полными антиподами в манере одеваться, отдыхать и работать, в манере речи и изъяснения, в сферах творчества, но их роднил бездонный внутренний мир, бесконечно каре-черные глаза, и умение делать то, что другим не под силу.

- Снова будешь петь в какой-то подворотне?

- Думаю, для тебя всё, кроме обители пафосных морд критиков – подворотня.

- Я не сомневаюсь, что ты подготовился. Для тебя это важный день.

Август кивнул и потушил сигарету.

- Этот важный день происходит каждый месяц, и каждый месяц ты мне это не говоришь.

Лука угадал во фразе брата оттенок его собственной реплики, и заговорил тише:

- Ты знаешь мое отношение к твоему таланту, и к тому, что ты делаешь. И да, ты так же знаешь, почему я раньше не имел возможности тебе это говорить.

- Знаю, да.

- Доколе ты будешь перепевать чьи-то строчки в шансон-барах, а не начнешь исполнять свои песни. Твой прокуренный баритон может звучать выше, чем среди пары-тройки неверных мужей, притащивших своих или чужих жен на дюжину песен молодости.

Август не скривился, не поморщился, а принял колкость брата спокойно, и немедленно ответил ему без присущего сарказма:

- «Дельфин» предложил мне выступить. Правда, в том состоянии, в каком есть он и в каком есть я.

Эти слова он подчеркнул с некой гордостью, но в то же время и с напускным принятием факта как должное. Лука склонил голову набок, и, едва ли веря брату, вскинул брови. Талант Августа как актера и как вокалиста был замечен с детства. Младший брат пользовался этим, не отдавая должного благодарения и заботы – он давно курит, и лишь недавно стал беречь связки перед выступлением, но как только светловолосый парень в рубашке навывпуск подлетал, не иначе, легкой размашистой походкой уверенного в себе и слегка беспечного человека к микрофону – все люди прекращали звенеть бокалами. И тогда его томная хрипота заполняла зал, окутывая людей волшебством.

Несколько раз он участвовал в пробах на ту или иную роль, и несколько раз ему везло, и он с успехом отыгрывал персонажа, но после он неизменно бездарно губил свой успех, забывая напрочь развивать его, потому что тонул в той или иной новой заботе, и не приезжая на Пробы Всей Жизни. Август сам топил свой плот в и без того бушующем шторме. Лука хотел содействовать брату, но тот продолжал растрчивать магию на публику, которая и рассчитывать на такое не могла. Ту самую, привыкшую слушать фальшивые и лживые голоса самих владельцев заведений, поющих за неимением артистов, ведь публику нужно было развлекать.

- «Дельфин»?

Август покачал головой.

- Именно он. Не сейчас, безусловно. И если у меня все получится, если моя программа станет действительно интересной мне самому, если я найду те самые ноты, которые станут ключиком к раскрытию моего мира слушателю и зрителю, то у меня, братик, впервые в жизни будет ощущение, что я не просто один из многих тысяч барных прокуренных певцов, пропав-

ших с радаров после одного слабенького перепетого шлягера и не менее слабенького бокала мартини. Что я действительно что-то стою. «Дельфин» – не больше, не меньше.

Луке требовалось время для осмысления сказанного.

- Я буду у тебя в четверг вечером. Посмотрим репертуар.

Младший брат покачал головой с улыбкой на лице и тихо пробурчал:

- Неужели придешь?

Лука провел рукой по волосам и отвел взгляд резко погрузневший взгляд от окна прямо на брата.

- Ты мог бы сделать это место своим театром. Нашим театром. Мне почему-то кажется, что и мы, и этот амбар находимся в схожем положении. Что мы созданы друг для друга.

Музыкант хохотнул и в свою очередь провел по непослушным волосам, уложив их на уши.

- Я похож на героя 80-х с покосившейся неоновой вывеской?

Лука отвернулся от окна и процедил, раздражённый весельем брата:

- Вообще-то, да.

Обернувшись к подошедшему официанту с комедийным талантом, Август заказал себе легкий завтрак, и получив его через несколько минут ожидания и молчаливых размышлений о своих заботах, стал жевать, отчего его речь стала менее разборчивой.

- Так, стало быть, «Бенц» и «Лягушатник» ставит Христофор?

Лука удовлетворенно кивнул и бросил сердитый взгляд на остроумного, но критически медленного на его заказы официанта, от чего тот и не подумал съежиться. Август уловил этот момент, и потянувшись за салфеткой, открыл рот для реплики, но осекся, и уставившись на брата, вернул вечную улыбку, а затем, избавляясь от неловкости, отшутился:

- Осталось только романы твои новейшие впихнуть в массы.

«Мысли и дальнейшие поступки». Фрагмент интервью Луки Николса для AuthArt. Часть 1.

- Что для Вас есть критика?

- Каждый из нас критичен по отношению к своему творению. Возьмите самого закоренелого нарцисса, который верит в собственную исключительность – и тот будет искать изъяны в его произведении, чтобы довести его до совершенства, и убедиться в своей способности делать идеальные кусочки будущего достояния всех культур. Возьмите закомплексованного и затерянного в ста мирах своей личности гения – и тот будет крошить свои чудеса, лепить их заново, собирать из пепла и сжигать заново, приводя к той планке, куда никто никогда не поднимется, потому что для него это возможность воздвигнуть если не памятник себе, то хоть на шаг приблизиться к осознанию своей значимости. Для меня самая важная критика – это не отзывы. Не статьи. Не рецензии. А слова, слова, которые находят отклик в душах и во внутренних Раях и Адах моего зрителя и читателя. Для меня критика – их мысли и дальнейшие поступки. Для меня критика – это бессонные ночи актёра в процессе подготовки к роли, его надрывный смех и плач, его возможность прожить персонажа, на секунду разделить с ним этот маленький сиюминутный разноцветный осколок калейдоскопа его многогранной жизни до сего момента и после него. Это значит, что я создал по-настоящему удивительного персонажа. Мы застаем персонажей с определенным багажом за спиной и с будущим впереди, мы вклиниваемся здесь и сейчас, я и Актер. Так вот если у нас получается для начала создать персонажа, а затем воплотить его, вызывая эмоции в сердцах – значит, критика будет положительна.

- Вы часто говорите о новизне. Насколько важно для вас вдохновение?

- Во-первых, оно важно для всех. Каждый из нас делает что-то непохожее на созданное доселе, но не каждый понимает, что делает это в порыве того или иного. Вдохновение – основа для творчества, основа для существования личности внутри, в нашем собственном мире, и, соответственно, для ее выражения. Я живу в таком маленьком мире, где невозможно весь год штамповать невероятные обороты сюжета, не расплачиваясь за это ни йотой своей жизни. Каждый сценарий и роман выстрадан мной. Вы когда-нибудь видели писателя за работой? Видели писателя, когда он одержим идеей вырваться из замкнутого круга клише? Когда он ищет взглядом лучик надежды, пробивая глазами трещины в стенах психологической клиники? Вы видели, до чего могут довести две крайности творческой личности? Ты остаешься в полном бессилии и рассыпаешься на маленькие паззлы, разбрасываемых по всему твоей вселенной из своих мыслей, когда ты или опустошен в отсутствии идей, художническом тупике, или же растерян от прикосновения к таким прекрасным мыслям, что перенести их на бумагу у тебя попросту не хватает слов, и не скажешь, что будет страшнее для писателя. Это полярные ощущения, но каждое из них является справедливой ценой за то, что ты потом выдашь на бумагу. Вдохновение лишь помогает тебе победить вот такие черные пятна на линии истории каждого из творческих людей – будь то художник, актер, писатель, музыкант. И я безгранично верю в него, потому что это то самое, что заставляет меня оставаться верным моему делу. И для каждого оно имеет своё имя, не слушайте тех, кто скажет, что вдохновение не имеет имени. И со временем это не становится частью тебя, это все так же некая приходящая мощь, которую ты жадно вдыхаешь, чтобы сотворить нечто, выдающееся за рамки уже ставшей душной коробки твоей фантазии, раздвигающее ее стены и рисующее, не жалея красок, новые сады, дома и целые жизни. (Пьет чай).

Глава 4. Вы правда думаете, вам это под силу?

Очень трепетно листая листочки, Лука перечитывал написанное. Так случилось, что посреди ночи он приходил не к ноутбуку, а к большой стопке чистой печатной бумаги, брал ручку, и исчезал от всего мира. Всегда забываясь на несколько часов, он потом не всегда мог вспомнить, что здесь и сейчас написал, и это ощущение порой окружало его обволакивающим приступом паники. Невероятный симбиоз бессонницы и дикого сердечного рвения, спаянный под очередным танцем луны и звезд был для него своего рода отдушиной. Легко исчезать от самого себя в роли. Легко исчезнуть от самого себя в игре. А исчезнуть от себя в собственной книге без последствий почти невозможно, потому что в книгу писатель вкладывает то, что было спрятано в нем самом, в каком-то смысле это – зеркало. Чередуя маски персонажей, играя характерами тех или иных людей, отстроив за несколько дней целые жизни, ты понимаешь, насколько мелочны и велики разом жизнь и поступки. Это вопрос должен задавать себе именно зритель, но писатель, выводя его в подтексте невидимыми чернилами, теми самыми, что проявляются под огнем свечи, все равно оказывается с ним лицом к лицу.

Квартира была освещена лишь настольной лампой. Лука, с трудом оторвав взгляд от новой рукописи, оставил ее под тусклым иссиня – желтым цветом лампы, и отправился к большой книжной полке. Долго перебирая в руках романы и пьесы, Лука достал нестарую еще совсем папку. «Память» так никуда и не взяли. Брали практически все, и это становилось залогом благосостояния молодого писателя, но не его внутренней гармонии. Лука болел за «Память». Он провел рукой по бережно выведенной надписи на папке и попытался избавить себя от традиционных рассуждений. «Память», может быть, была гениальной, а может быть, оставалась лишь одной из многих. Но пускай будет лучше одно из двух, чем в ней будут элементы того и того. Это признак посредственности, вот таких акварелей, сочетающих в себе яркие и тусклые цвета одновременно – море, и ни одна из них не стала прорывом, но и провалом назвать это сложно. Лишь одна из многих, а это не про Луку, и, пускай, свои ошибки он признавать не любил, но умел, а тут придаться было не к чему – «Память» должна была стать чем-то большим, чем просто произведение, ее предназначение было больше, тоньше, глубже – заставить каждого, даже самого закоренелого циника смахивать ненароком влагу с глаз.

История феноменальной любви растворилась в мире, где любовь возникает во многом в угоду двум, начинаясь с чуда. Гениальности не понимают ровно настолько же, насколько и бездарности, но вот чтобы отличить одно от другого нужно знать не столько произведение, сколько автора. Лука обладал не только завидной фигурой, сложившейся за годы всякого разного спорта: от плавания до бокса, но и невероятной харизмой, которая была на удивление необыкновенной и не стала типично выставленным достоянием на прилавок для всеобщего обозрения. Высокий молодой человек никогда не убирал глаз, не любил дикого пошлого флирта, не бросал высокопарных дешевых фраз в каком-нибудь в кабаре на 19 улице при свете энергосберегающей лампы, но в нем было нечто большое, тихое и бездонное, напоминающее о себе, когда он был в задумчивости, либо же когда ненароком усмехался, все так же смотря прямо в глаза собеседнику. Луке не была свойственна напористость, непринужденность и внутренняя легкомысленная мощь Августа, который был ярким образцом бабника, но в нем сидело то же самое непоколебимое обаяние, но оно было уточненным, оттененное вкусом. Лука был сдержан, но не инфантилен, не играл ролей, не напускал на себя миллионы оттенков в виде морщин, поднятых бровей и мелких полуулыбок. И куда больше с виду походил на меланхоличного путешественника, чем на автора сатирических сценариев. Целеустремленность и глубина нередко принимались за надменность, инициатива и желание помочь – за попытки прыгнуть выше головы и чудачество, в университете его держали за выскочку.

Лука мерил шагами паркет, и, отложив папку с рукописью «Памяти» к своему печатному экземпляру, сделанному на заказ, а не для тиража, вновь обратился к рукописи на письменном столе. Новая работа пока не особенно складывалась, но писателя это не тревожило. Это будет что-то, что в очередной раз станет прорывом и для театра, и для литературы. Звучало нескромно, но Луке нравилось об этом думать.

- Главное не то, что черным по белому, а то, что под черным и белым.

Мальчишка, выложившийся наизнанку в «Пустотах в недоверии», пришел к замкнутому кругу в виде признания и собственного неудовлетворения, упирающегося в непринятие всего одного, пускай и самого важного произведения. Лука выдохнул с грустным смехом и сел за письменный стол, взъерошив смоляные волосы средней длины и надев толстые стильные вишневые очки.

Владелец «Дельфина» выглядел растерянным.

- Вы правда думаете, что вам это под силу?

Лука быстро сориентировался. С утра пораньше он не выглядел сонным, наоборот, в нем чувствовалась непоколебимая сила, которую его оппонент мысленно сравнивал с огнем, уже успевшим подавить его решимость.

- Если это не сделает он – не сделает никто. Слушайте, сколько лет вы пытаетесь стряхнуть пыль с этого места, а все, что вам удастся – забить себе нос.

Алекс Сагаделло стоял у окна, потирая пухлые руки, и вытирая лоб белоснежным платком. Лука смотрел оценивающим взглядом на огромный кабинет с панорамным окном в крыше.

- Сколько вы потратили на то, чтобы вытащить «Дельфин» на тот уровень, который он держал в семидесятые – восьмидесятые? Пять лет? Нет, пять с половиной, но последние полгода вы даже тут не бываете.

Владелец был сбит с толку. Молодой писатель был невероятно аккуратен и подкован в переговорах. Наконец, Алекс, помявшись, присел за письменный стол, который даже не был массивным, как у настоящих, по мнению Луки, директоров. В бесконечный раз вытерев лоб, он бросил на карту мира, заменявшую ему скатерть, платок, ставший рыжевато-черным не то от пота, не то от кожи Сагаделло. Луку это позабавило, но ухмылка сменилась легким отвращением, которое от с усилием подавил. Впрочем, ненадолго.

- Вы хотите сказать, что это шоу вернет доходы «Дельфина» на ту планку, которую давал мой отец?

В глазах владельца читалась откровенная надежда в виде жажды наживы, уже не вязавшаяся с растерянностью последних минут и, тем более, с решимостью начала диалога. Лука перебросил ногу за ногу, и принялся цеплять крючок еще глубже.

- Вам интересны деньги, мне – эмоции.

Алекс вскинул брови.

- Но зачем? Вы на них будете кормиться?

Луку в этой комнате отчаянно держало лишь жгучее чувство творческой мечты и желание помочь брату.

- Каждый кормится тем, чем хочет. Вы всеяден, я – нет. Но вы вряд ли поймете метафору. Вам нужны доходы от шоу, но их можно получить лишь завоевав своего зрителя. У вас нет денег, нет продаж билетов, потому что нет своей труппы, нет своего репертуара, у вас есть, черт возьми, только пыль на сцене и затемнённые в прошлом веке окна. Таково ваше наследие? В каком состоянии вам передал «Дельфин» отец? В каком вы его передадите детям?

Алекс смутился. Ни с отцом, ни с дочкой не сложилось.

- Мы не общаемся с ними.

Странное и неуместное откровение немного смутило Луку.

- Признаюсь, в этом желании мы единодушны. Но у меня такой возможности нет.

Лука сжал в руке шейный платок, резко вынув его из нагрудного кармана.

- У вас, Алекс, нет чувства прекрасного. И вам поначалу было стыдно, поглядывали на портрет отца, а сейчас вы вовсю дышите только деньгами, а еще более осложняет болезнь то, что у вас их нет. Вы пускали в это место каждого бродягу с его фальшивыми песнями и отсутствием истории за душой, кроме дикого пьянства. Он приходил и пел, дико безобразно и бездарно, вокруг него не танцевали огни, не попеременно гас и зажигался свет в такт накалу и духу песни. У вас не было музыкантов в оркестре. У вас не было музыки и представлений.

- И вы были похожи на точно таких, а сейчас вы напоминаете мне агента-пройдоху, который пытается продать мне дешевый товар.

Алекс был невероятно доволен своим выпадом, и сидел, откинувшись всем своим потным телом на спинку кресла на колесиках, отчего он резко отъехал назад, а из карманов выпало несколько предметов, среди которых была сигара, пара монет и зубная нить. Лука вдруг нащупал точку невозврата.

- Алекс, мы можем дать вам то, что вы ищете, разрешая уличным бродягам ронять «Дельфин» на пол, пробивая дыры в его репутации. И дело никак не в контрактах, не в бумажках, Алекс, и это скорее наше преимущество, нежели ваше. Мы хотим дать свое шоу в «Дельфине», и вам повезло, но мы же можем собраться и уйти, если вы продолжите испытывать нас в дальнейшем.

Он давил всей мощью, на какую был способен, сочиняя целые города на лету. Писатель себя совершенно не сдерживал:

- Мы способны, выйдя на сцену, раздавать людям волшебные эмоции, а зритель откликнется на порыв, и не важно какой будет человек – если он пришел, он ответит на него раз, потом – другой, третий. Мы вернем этому театру забытые минуты, и это требует времени, подготовки, это требует вложенной души, перемешанной в блендере с потом и слезами. Мы дадим этому месту новую жизнь. А если мы сможем – вы утверждаете нас как основную и единственную творческую группу «Дельфина».

- А если нет?

Лука не сомневался.

- Отдавайте ваш театр бродягам. Но если сможем – «Дельфин» наш. И мы даем такие программы, какие посчитаем необходимыми. Вы не ограничиваете наш креатив и фантазию, а мы поднимаем «Дельфин» в ранге лучших театров нашего города. Вы вмешиваетесь – мы уходим. А вы теряете все, и остаетесь с разбитыми лампами да пьющими артистами третьего разряда. Как вас не было тут в последние полгода, так и не должно быть. Вы даете деньги, затем получаете свою прибыль, но не вмешиваетесь с замечания по поводу фальшивых нот.

Лука поднялся со стула, и с высоты своего роста смотрел на директора «Дельфина». Сагаделло почему-то уставился невидящим взглядом на вишневый жилет Луки и на белоснежную рубашку под ней. Алекс молчал, а затем медленно стал набирать номер на телефоне мокрыми руками.

- Анжела, дорогая, думаю, у нас есть группа артистов.

Лука удовлетворенно улыбнулся, и в его глазах промелькнула искра.

- Алекс, как вы умудрились переклепать отменную студию звукозаписи в свой собственный кабинет в угоду комплексам и чувству неполноценности?

- Что, простите?

Глава 5. Чудинка.

Лука упал на кожаное сиденье своего Шевроле и некоторое время смотрел в пространство в зеркале заднего вида, положив руки на руль. Скинув шляпу, он взглянул на дорогие часы, тонувшие в обилии браслетов на руке. Писатель открыл бардачок, проверил стопку листов в файле, и, положив их обратно, выдохнул. Утро было сложное, но успешное, не потраченное, а использованное.

- Хорошо-хорошо, эти рассказы я опубликую сборником. Хочу, чтобы ты знал, что я ценю тебя.

- Ты так говоришь, Марк, как будто я сотрудничаю еще с кем-то. Ты не хуже меня знаешь, что мне не нужен другой издатель, и это греет тебя изнутри.

Марк расхаживал по своему кабинету и активно жестикулировал.

- Что греха таить, я построил свое издательство во многом на твоих работах, мы сложили репутацию агентства, способного и желающего сотрудничать с молодыми авторами.

Лука сидел в глубоком и не очень удобном кресле, постоянно съезжая вниз. Предыдущую, еще недавно здесь стоявшую, мебель Марк, очевидно, заменил в вечной погоне за презентабельностью внешнего вида кабинета.

- Бери все, что хочешь брать, только ты знаешь условия. Никаких пошлостей на обложках, ее мне пришлешь на почту. Мой текст не менять, посвящение не менять. Сохранить редакцию, потому что...

- Потому что в тот раз мы передали не те эмоции, которые ты заложил.

Лука щелкнул пальцами, а нога покачивалась в такт музыке, доносившейся из соседнего кабинета.

- Именно.

Схватив шляпу и хлопнув Марка по плечу, он направился к выходу. Издатель посмотрел ему вслед.

Лука обернулся в дверном проёме и уловил взгляд, глухо и неосязаемо хлопавший его по спине.

- Гонорар? Тот же самый, что и всегда. Диане привет передай.

Молодой человек поднял шляпу и исчез в дверях. Марк покачал головой и попытался запомнить о просьбе передать привет жене.

Лука добрался домой, и, открыв дверь квартиры, первым делом сбросил с себя все напряжение утра и дня, приняв душ. Переодевшись, он сел, скрестив ноги, у основания дивана, и понял, что времени до начала представления не так много, а еще нужно было очень многое сделать, а команда решительно не успевала. Вообще, команда – это громкое слово. Несколько гримёров в штате «Дельфина», имевшие радость работать с пьяницами-шарлатанами, желавшими подзаработать на имени заведения да полдюжины музыкантов оркестра, ребята, бесспорно, талантливые, но их было недостаточно для толковой работы. Что можно сыграть вшестером, с учетом того, что трое из них – гитаристы, а Август сам играл лучше каждого из них при всем их старании и одарённости. Да и имя театра уже стало синонимом разрухи и упадка, встреч бездомных, поющих о своей нелёгкой доле на пособии.

На бумаге, Август был таким же дешевым артистом, как и десятки тех, которые истоптали старой и грязной обувью сцену «Дельфина». Но у Августа в рукаве была программа и был беспокойный и не обделенный Богом способностями к прекрасному брат, а также талант, с которым сравниться могли лишь только единицы. Шоу могло провалиться только в случае форс-мажора, и форс-мажор слегка подавливал на шляпы братьев сверху, постукивая неаккуратными руками Алекса Сагаделло. Сейчас от Луки требовалось в очередной раз открыть в

себе новый талант, и от того, как скоро он нащупает с ним нить связи, по которой новая способность будет транслироваться в мир вокруг, зависит успех одного из самых главных начинаний в жизни его собственной, брата, нескольких десятков еще не набранных артистов и персонала, а также всего ветхого, но все еще внушительного «Дельфина».

Лука расстегнул две верхние пуговицы на рубашке, закатил брюки на два отворота и, перебрасывая браслет с запястья в ладонь движениями пальцев, стал водить пальцем другой руки по телефонной книге, разбирая параллельно фотоальбомы в своей голове в попытках вспомнить необходимых помощников. Каждый раз наталкиваясь на необходимое имя и сверяя его со своей памятью, Лука довольно изображал улыбку правой либо левой частью рта, а затем выписывал телефон и адрес на обрывок бумаги, оказавшийся рядом.

Эрика Сонга за его нрав и манеру одеваться прозвали Попугаем. Было что-то необыкновенное и странное в манере этого человека одеваться и вести себя на публике, причем не это являлось напускным актом самовыражения. Эрик жил именно так: эксцентрично, остро, ярко и мало думал о последствиях. Это в какой-то мере роднило их с Августом, с которым они были знакомы уже добрую дюжину лет, с тех пор, как последний узнал через Луку о Попугае как о действительно талантливом композиторе.

Эрик по самом деле обладал выдающимся музыкальным талантом, подкреплённом его нестандартным вкусом и взглядом на жизнь, но насколько он был гениальным композитором, настолько же он был бездарен как вокалист. На заре его карьеры, это вгоняло его в депрессии и ярость, но со временем Попугай стал подходить своим плюсам и минусам мудрее, исключая оценку своего эго. Напротив, Эрик стал вдвойне работать по своему профилю и добился того, что несколько его песен возглавляли все формальные и неформальные чарты города. Закончилось это, впрочем, тем, что он разругался со студией, для которой писал, и остался без работы. Последние несколько лет Попугай кормился тем, что писал песни на заказ от различных небезызвестных музыкантов, оказавшихся в творческом тупике. Именно в таком положении Лука подобрал своего давнего знакомого для помощи в постановке первого шоу «Дельфина».

Из задворков музыкального мира Лука вытащил группу The Juice, в которой когда-то начинал петь Август. Некоторые из ребят учились в университете вместе с Лукой, причем на его же специальности, но по его окончании решили сделать карьеру в музыке. Поначалу шестёрка не снискала особых лавров не то что в городе, даже в ночных барах, через несколько месяцев, поменяв репертуар, они ворвались в рок-жизнь с рядом незабываемых доселе хитов, однако, отказавшись сотрудничать с продюсерами из-за паранойи солиста Томаса, они быстро пропали с радаров широкой публики, а те несколько фанатов, приходящих к ним в «Secret», позволяли существовать, хотя The Juice, конечно, вновь хотели большего.

Бэк-вокал и остальные единичные элементы оркестра нельзя набирать без консультации с остальной труппой, которая пока еще не была оформлена в единый монолит. Конечно, дело было не в количестве – нынешний творческий коллектив «Дельфина» уже тянул на мощное оружие, каждый элемент которого оторвали бы с руками в любой театр или шоу, но лет так пять-семь назад. Сейчас все это было похоже на «чудаки наносят ответный удар», что неожиданно рассмешило Луку. Конечно, несмотря на некоторые достижения, авторитет, связи и талант, практически все люди, задействованные в постановке, обладали чудинкой, игнорировать которую в друг друге при взаимодействии не получится ни при каких обстоятельствах. Универсальное боевое подразделение сейчас состояло из ядерной смеси, использовать которую требовалось только при соблюдении мер предосторожности, и Лука надеялся, что таковой являлся сам «Дельфин».

Само название театра и его статус должны были сыграть роль ограничителей, если вдруг Лука не справится сам. Нельзя сказать, что внутри него нарастало или уже начинало копиться волнение, однако ответственность за шоу отринуть невозможно, а еще писатель совершенно не

знал, как ему будет работаться с Августом. Весь жизненный опыт Луки состоял из написания книг, а также заботы о родителях, где было просмотрено бесчисленное количество историй для сразу нескольких романов, как, например, для «Пустот в недоверии», однако сосуществовать на работе с братом – опыт несколько иной.

Теперь же на писателе завязано слишком многое, и, если узел, из которого он состоит, развяжется, «Дельфин» всплывет очень быстро. Лука совершенно не рассчитывал, что Август сможет быть адекватным коллегой, Эрик очень давно сделал себе соответствующую репутацию, а The Juice с Томасом могли оказаться солидной занозой, если захотят выдвигать себя на передовую, раз уж согласились стать театральными музыкантами. Характер у Октавии не подарок, а сам Лука бывал не в настроении ни для чего, кроме написания текстов, в чем отдавал себе отчет. Вся эта гремучая смесь должна была как-то оставаться не вспыхнувшей после химической реакции, поскольку, кроме Луки, ответственность за произошедшее никто на себя брать не станет. Народ просто разбредется по удобным им углам, чтобы вновь считать копейки или выигрывать их, как Август, в казино, а руины в себе и здании разгребать ему. Лука вздохнул и вспомнил очень, казалось, актуальное изречение для нынешнего момента: «Не делай добра – не получишь зла». Думать о таком решительно не хотелось, тем более, что загодя спрогнозировать дождь, даже при наличии туч, невозможно.

Октябрь.

Глава 6. Сон в тяжёлой болезни.

«Дельфин» не высился над другими зданиями в округе с высоты своей канувшей в лету популярности и гордости. Скромно выглядывая между двух небоскрёбов, расположившись в их тени, но не прилепляясь к бетонным стенам, театр укрывал часть тротуара своим навесом с некогда светящимися вывесками, под которыми стыдливо прятались заколоченные двери. Окна были пылью изнутри настолько, что можно взору и логике поддавались догадки о том, что изнутри всё еще хуже, чем снаружи. «Дельфин» болел, и врача у него сейчас не было. Оторвав от входа одну из досок, Лука вставил ключ в скважину.

Август докуривал рядом и смотрел на пробегающие мимо машины.

- Они каждый раз приколачивают эту доску? Это вроде дополнительного замка?

Лука открыл дверь и выдернул еще две доски, закрывавшие проход крест-накрест.

- Новые способы уберечься от грабителей. Которых здесь не бывает.

Отряхнув стружку с куртки и шарфа, писатель шагнул внутрь. Вторые двери, ведущие непосредственно в холл театра, были открыты настежь, и Лука последовал их приглашению оказаться в следующем помещении. По обе стороны просторного и высокого помещения находились две крупных симметричных комнаты с не то с прилавками, не то окошками.

- Там – гардероб. Тут – не знаю, что. Буфет, скорее всего.

Август оказался между нескольких толстых колонн, подпиравших одновременно с потолком и нещадно утекающее величие театра, и указывал поочередно на два окошка рукой с дотлевающей сигаретой. Лука провел носком туфли по паркету и снял солидный слой пыли, тем не менее, обнаружив приличное качество пола под ним. Братья молча разбрелись по разным углам холла и оглядывали нового друга.

«Дельфин» словно бы спал, впад в тяжелую болезнь, он, казалось, копил силы для нового рывка в борьбе с собственным недугом, а когда это время приходило, выяснялось, что его сил не было достаточно. Тогда театр вновь в беспомощности впадал в спячку, устав ждать доктора. Сейчас уже не казавшийся приветливым, «Дельфин» отказывался салютовать новым хозяевам из-за своей немощи, но не посмеявшийся не улыбнуться им в знак приветствия. Пройдя по встретившему его тоннелю в главный зал, Лука хрустел опавшими кусочками краски и шпаклёвки, словно осенними листьями, проводя рукой по потрескавшейся стене прохода. Перед входом в главное помещение, Лука остановился, увидев вынырнувшего из симметричного прохода Августа, стоящего с улыбкой напротив него через весь зал. Мысленно поймав это впечатление за хвост и уложив в свой фотоальбом, писатель сделал шаг в помещение.

Перевёрнутые столики, мусор вперемешку с белыми скатертями, витающая в воздухе пыль, словно бы наполнявшая задушенные альвеолы театра, нахлобученные кое как алые занавеси – всё это давило неизбежностью своего главного посыла – это место было памятником взлёту и падению человеческой славы и гордости. Август цокнул и толкнул ногой лежащую в море мусора бутылку шампанского:

- Это дорогое, одно из самых крутых.

Старший брат перешагивал через деревянные остатки то ли столиков, то ли какой-то утвари из гримёрки, и подошёл ближе к сцене.

- Я знаю, такое подают на приёмах. Они не жалели денег даже тогда, когда тут пели самые обычные алкоголики, пытались спасти репутацию вот такими путями.

- И из этого ничего не вышло. И не получилось бы никогда.

Лука хлопнул ладонью по сцене и всмотрелся в её глубину. Разглядев что-то в её глубине, скрытой сейчас темнотой из-за сломанного освещения, писатель вновь развернулся к брату.

- В чём смысл тогда таких трат, если их плод ты найдешь смешанным со всем остальным на полу?

Август пожал плечами и, проходя мимо брата к сцене, хлопнул его по плечу.

- Мы же не повторим их ошибок. Вот в чем смысл.

Сбросив куртку и положив её у основания сцены, Август влетел наверх и прошёлся по краю.

- Знаешь, я не против взять старт или уже, наконец, финишировать здесь. В одном я уверен на сто процентов...

Несинхронно раскачивая руками в такт его собственной музыке, изолированной в голове, музыкант продолжал:

- Это место мы сможем сделать нашим вне зависимости от результата.

Август улыбнулся ходу мыслей и взъерошил волосы. Старший брат поднял одну из стоявших вдоль стены картин и, положив на единственный стоявший ровно столик, принялся рассматривать её.

- Нам предстоит много трудиться.

Он говорил слегка рассеянно, перемещаясь взглядом от картины и её деталей к интерьеру «Дельфина», когда, вдруг остановил взгляд на своих собственных руках.

- Над театром, над душой этого места, над его сердцем и его будущим репертуаром.

Лука неожиданно прервался и ненадолго замолчал.

- Нам предстоит работать над собой и над тем, что есть у нас самих. Это место может как стать катализатором успеха, так и серебряной пулей во лбу наших надежд, похоронив всё – от сбережений, которые мы сюда вложим, до перспектив и духовного удовлетворения. До способности жить в гармонии с самим собой и друг с другом. Если ты готов, то становись в очередь за мной.

Проникновенные и слегка пафосные слова говорившего с огнём Луки тронули Августа, и тот на некоторое время замер, словно прикладывая речь брата с своим собственным размышлением. Лука улыбнулся и весело хлопнул в ладоши.

- Давай посмотрим, что еще от нас скрывает «Дельфин».

С этими словами старший брат нырнул в мрачноватый проход, прятавший за собой закулисы и немедленно издал грохот то ли от падения, то ли от обрушения горы театрального реквизита поверх своего падения. Август встряхнул головой и, откашлявшись, вдруг неожиданно для себя в испуге провёл по губам. Удостоверившись, что те остались сухими, он, с несвойственной ему неловкостью, сполз со сцены.

Два ярких луча фонарика терялись среди крошечной темноты закулисных помещений «Дельфина», разрезая мрак только на несколько метров вперед. Небольшой по размерам, но усеянный ответвлениями и комнатами, задний отсек театра представлял собой лабиринт в квадрате из-за отсутствия обзора. Пощекотав стены острыми лучами, братья добрались через горы коробок и стульев к окнам, занавешенных тремя покрывалами.

- Не то чтобы я приходил сюда купаться в пыли, но...

- Тебе еще не раз придется это делать.

Лука сбросил с плеча Августа крупный кусок скатавшейся шерсти, и впустил в помещение лучи солнечного света. Не только театр открыл свой вид окну, но и окно предоставило взгляду братьев собственное сокровище. Лука выдохнул и открыл окно полностью, теперь давая проход кислороду и прохладному ветру, сразу закрутившему столбы пыли позади братьев.

- Я думал, что его уже много лет как не стало.

- Как его могло не стать? Это же не булавка, чтобы ее потерять.

Древний парк на заднем дворе «Дельфина» словно бы немедленно пустил корни в сердца братьев. Старый и заброшенный, он очаровывал с первого взгляда неожиданностью и величием своего появления, скрытый от взглядов людей со всех сторон. Выбравшись через окно в объятия сада, Лука остановился на пороге прохода в глубину.

- Городские легенды о романтике этого места не давали покоя многим.

Август свесил ноги, устроившись на подоконнике.

- Да, в своё время каждый юный авантюрист хотел провести свою девушку сюда. И никого не пускали.

- Для того нужно было попасть в сам «Дельфин». Билет купить, дресс-код соблюсти. Сколько же таких рыцарей-шарлатанов проскочило сюда?

- Из тех, кто действительно верил, что это место дает гарантии на ответ «Да»? Думаю, немного, и еще меньше действительно не разочаровались в магии.

Лука вдохнул свежий воздух.

- Думаю, что-то в этих разговорах есть от правды.

Младший брат пожал плечами.

- Кто ж проверит.

Утреннее солнце ласкало неосторожными и непослушными лучами истощённый, но всё еще полный сюрпризов и романтики сад «Дельфина», встречаясь с темнотой в глазах и за спиной у братьев в лице помещений театра.

- Я поговорил с несколькими людьми. Мы не единственные сумасшедшие, готовые браться за такие дела. Есть еще безумные. Ну, такими их считают.

Август сверкнул глазами на солнце и закрыл лоб ладонью.

- Всё не так безнадежно.

- Когда дело касается нас, то безнадежного не будет. Если мы не выведем «Дельфин» на гребень волны, то уж точно на дне он оседать не будет.

Младший брат сунул руки в карманы джинсов и прошелся по ветхому мостику через яму, некогда бывшей ручьем-продолжением водопада.

- Что же, у нас пан или пропал. С учётом того, что начинаем мы если не с минуса, то с нуля совершенно точно. И знаешь, я счастлив, что ввязался в это.

Лука удивлённо изогнул брови.

- По-моему, это как раз я ввязался в это с тобой.

Глава 7. Феномен каждые 24 часа.

Теперь театр был на как на ладони. Устройство «Дельфина» оказалось совершенно необычным для театра, пускай даже небольших размеров. Входя в нарочито отделанное элементами ветхости здание, можно было обнаружить себя в большом и просторном гардеробе с несколькими колоннами, массивно уходящими под своды дубового потолка, а, дальше заведение предлагало посетителю выбор, который не играл никакой роли: после фойе вас встречали два коридора, окаймляющие главный зал, и оканчивающихся двумя зеркальными резкими поворотами с широкими входами, напомнившими Луке тоннели в ушах одного музыканта из заштатных баров, который впоследствии сделал неплохую карьеру. Интересной особенностью были окна этих двух лап, огибающих центральный зал. Они были спроектированы таким образом, что снаружи не было видно шуршащих тусклым туманом коридоров ни одного тоннелей, а вот с из белого прохода было прекрасно видно зал и все, что там происходило. По легенде, там когда-то стояла охрана больших гостей этого небезызвестного театра, которая не хотела мешать высокопоставленным зрителям наслаждаться музыкой и представлением. Черный же оставался полностью изолированным и монолитным в своей темной непогрешимости для обеих точек зрения.

Лука бродил среди множества мусора и обломков былой славы, лежащих вперемешку, создавая впечатление человека не на своём месте. При всём трудолюбию писателя, его рук мало того, что было недостаточно, так еще и все откровенно не клеилось. Впрочем, только конкретно сегодня. За окном поднимался ветер и все щели старого здания с удовольствием пропустили порывы прямо к ребрам находящихся внутри. Бросив к общей куче еще несколько досок, Лука поправил перчатки и в досаде пнул горку побеленных дров. Август сильно опаздывал. Писатель вышел в первый холл и, скрестив руки, облокотился на колонну. Его взгляд упал на пыльные часы, и он улыбнулся интересной детали: часы не шли, но прямо сейчас их стоячие, мертвые стрелки показывали правильное время. Такой вроде как феномен, а происходит каждые 24 часа. Часы не так уж бесполезны именно в эту минуту. Одну – единственную, тем не менее.

Частично клишированные аналогии и метафоры Луки прервал ни с чем не спутываемый дикий скрип входной двери, до которой еще предстояло добраться если не умелым, то как минимум, находящимся в наличии рукам.

- Нашла-таки меня.

Октавия, описывая миниатюрной сумочкой замысловатые фигуры в воздухе, даже не думала брезгливо шарахаться от гор мусора. Аккуратно выбирая маршрут словно бы периферическим зрением, девушка достигла Луки, практически не смотря под ноги и продолжая вести с ним беседу:

- А где еще тебя можно найти сейчас. Вроде бы еще не сидишь в Secret, значит – в деле.

Лука на радостях хотя бы от какой-то компании тепло обнял подругу. Октавия оглядела помещение словно бы в первый раз после своего входа и улыбнулась краешком рта, продолжая хмурить брови, как умела делать, не показывая настоящей эмоции. Писатель указал на это с большим удовольствием:

- Ты так делаешь так, когда не хочешь обижать кого-то небезразличного тем, что обычно говоришь безразличным.

Октавия пропустила замечание мимо.

- Работы тут выше крыши, сам знаешь. Все не ужасно, но сложно. Пациент...

- В клинической смерти. Вопрос только в том, о ком ты говоришь.

Подруга, судя по всему, была только что с работы и выглядела на удивление свежей. Сама она говорила, что это всё вдохновение, а Лука полагал, что это новый ухажер с отдела маркетинга или, что более вероятно, творческий парень с нестандартными дизайнерскими наклон-

ностями. Новая короткая стрижка, тем не менее, ей невероятно шла, а Лука был настолько рад видеть её в очередном ренессансе, что даже отпустил опоздание брата на задние ряды сознания.

Октавия, тем не менее, не была абы какой компанией. Её нестандартность и разносторонность оказали большую услугу Октавии – дизайнеру, а приткость ума и боевой нрав не выбили из неё манер леди. Девушка очень много работала над собой и над проектами, что в итоге естественным путем сделало её очень интересным собеседником для барных подхалимов, которых, впрочем, та скоро переросла. Музыкальные способности прорывались через неё в караоке и дома после определенных напитков, и после таких приступов девушке всегда становилось дико стыдно. Тем не менее, нельзя было сказать, что музыка была для Октавии номером 1 – та закономерно нашла своё место в мозаике дизайнера хотя бы потому, что та лучше всех разбиралась в формах этих самых мозаик. Октавия была талантливой и успешной, периодически бесстыдной, немного наглой, но, если дизайнера прижимали в угол с просьбой о благотворительной помощи – она честно сдавалась.

- Я всё равно вижу тут перспективу. Его не зря строили так, не случайно это работало несколько десятилетий.

- Работало несколько десятилетий назад, Октавия.

- Думаешь, времена меняются? Возможно. Но как люди шли тогда в «Дельфин» за диковинкой и безупречным вкусом, так пойдут и сейчас.

- Разве что только зацепить ностальгию.

- Я слышу разочарование? Не на то рассчитывал?

Октавия поправила брюки и присела на подоконник, предварительно проведя по нему рукой и смахнув с краешка пыль.

- Нет, вполне на то. Единственное, на что я не рассчитывал – так это то, что мы пойдем вслепую. Думал, хотя бы какой-то план будет набросан. Хотя бы черновик.

- Иногда приходится чертить сразу на чистую.

Лука пригладил медленно набирающуюся бороду.

- Будем резать по живому.

Центральный зал на данное время располагал двумя крупными горами из остатков столов и сносной сценой. Паркет здесь, в отличие от фойе, пребывал в печальном состоянии – дыр в нём все же не было, однако он был покрыт бесчисленными царапинами и отметинами не то от петушиных боев, не то от постоянных передвижений мебели. Со сценой было немного получше, но, само собой, электроника не работала ни в какой мере, что было возможно исправить, как сразу отметил Август, оценив ее «профессиональным взглядом».

- Слушай, какого чёрта он опаздывает?

Октавия не то спохватилась, не то у неё накопело. Лука рассмеялся и сейчас выглядел спокойнее.

- Скажет, что была пробка, что фен не включался, что трамвай по пути сбил кого-то и там весь участок западного района собрался, чтобы покудахтать. Октавия поморщилась.

- Да ладно, такое даже для него – перебор. Хотя всякое от него слышала.

- Ну конечно, вы встречались два дня.

- Полтора.

- Он всем говорит, что два.

Девушка недовольно взметнула необыкновенные брови, пластику которых замечали все, кто знал или не знал Октавию.

- Беспрестанно врет.

- Всегда. Вот я и говорю – зайвится с этими словами.

Лука перетащил одно из последних брёвен к куче и огляделся в поисках крупного мусора. Вроде как утренняя работа даром не прошла, несмотря на то, что двигалась она чрезвычайно тяжело.

- Сегодня и завтра в 6 вечера будет приезжать машина и грузить всю эту прошлую жизнь. Нужно еще немного выгрести из гримёрок.

Октавия нежно хлопнула друга по предплечью:

- Тебе нужно отдохнуть и поправить его поведение.

Лука кивнул, соглашаясь, и отправился в глубину закулисного помещения через боковую дверь, отбросив старую нависающую черную ткань. Где – то сзади слышался известный скрип и еще в тоннелях стал слышен удивительный случай с трамваем и несчастным саксофонистом, попавшим под его колёса, а также про стечение обстоятельств с феном.

Глава 8. Светская дива на приёме.

К «Равенне» Лука испытывал особую привязанность. Театр, расположенный в глубине парка и отблескивавший средневековым стилем, возвышался монолитным замком над всем округом и его тень словно благодатью окутывала все прилежащие деревья и пруды, на фоне исполина казавшихся крохотными и игрушечными. Лишь несколько дубов могли хоть в какой-то степени стать на находящуюся где-то около мощи «Равенны» ступеньку. Входя в прилежащую к театру зону, могло показаться, что оказываешься где-то на севере, потому что в этом лесу было неизменно холодно, независимо от времени года, а массивные деревья, снизу внушавшие больше трепета, чем сверху, служили хорошим устрашителем перед свиданием с главным персонажем вечера, выглядывавшим своими башнями из-за сторожей своего покоя.

Братья осматривали исполинский театр с профессиональной точки зрения в первый раз, придя сюда, тем не менее, с желанием отвлечься от бесконечного ремонта, чередуя выстрелы взглядом в архитектурные украшения, сопутствующие «Равенне», как настоящей светской диве на приёме, с выпадами в сторону стола с закусками и напитками. Старый театр не потерял былого лоска через года, напротив, пережив несколько пластических операций, приумножил свое очарование, подкрепив сохранённым духом, присущим только этому месту. В отличие от «Дельфина», «Равенна» могла себе позволить в нынешнем состоянии распылить всю мощь обаяния по закоулкам и подолом-крыльям старого-нового тела, и Лука пытался связать воедино обрывки, которые удавалось охватить глазами при осмотре театра.

Август пригубил шампанского и убрал с глаз прядь точь-в-точь как у брата, только золотых непослушных волос, по которым его идентифицировали как человека творческих наклонностей, а стереотип этот всегда забавлял Луку. Братья перемещались вдоль стола, и если Лука был весь погружен в размышления о том, что именно позволило «Равенне» сохранить своё волшебство – дух или оболочка, то глаза Августа срывались с цепей и с интересом рассматривали гостей. Впрочем, за несколько минут до начала спектакля, и Лука присоединился к младшему брату в изучении публики, но в иной манере: писатель не смотрел не на ожерелья и одежду, а непроизвольно ловил себя на том, что искал встречи с глазами людей, с их улыбками и нахмуренными бровями. При этом необычный взгляд Луки люди, как правило, игнорировали, или старались побыстрее отвести от него глаза. Большие, темные, с прищуром глаза Луки выдавали большую глубину, которая изредка пряталась под ресницами, глубину как открытую и честную, так и не менее угрожающую в своей необузданности. Лука улыбался, встречая людей, сейчас он был открыт, вдохновлён и слегка расслаблен, в то время как Август был усталым и развязным, чему, скорее всего, обильно поспособствовал алкоголь.

Именно в «Равенну» Лука приносил свои рукописи в первую очередь, и всегда безуспешно. За всё время здесь не поставили ни одного сценария за его подписью, даже адаптированного, простого или сложного, глубокого или сказочного. «Равенна» ни плакала, ни улыбалась от Луки Николса. Творческая группа смотрела на успехи отбракованных спектаклей в других заведениях и всё равно отказывалась верить на слово что зелёному юнцу, что состоявшемуся писателю и драматургу с пачкой наград и поворотов в жизни за пазухой. «Равенна» претендовала на особую категорию в театральной жизни всего города. Средневековый замок ставил немного иные истории, нежели остальные. «Равенна» стремилась выделиться репертуаром, и требовала уникальных прав на постановки в эксклюзивном формате. Эта формула имела и оборотную сторону: зачастую театралы перегибали и ставили на главной сцене либо чересчур авангардные пьесы, либо откровенную чушь, выданную в обертке гениальности. «Равенна» тянулась к звездам в своей амбициозности, и, как следствие, тасовала постановки и авторов как перчатки, жонглируя одним и другим, не замечая потерь ни в художественном, ни в финансовом аспектах – люди шли в «Равенну», зная, что там всё равно поставят что-либо необычно-

венное. Впрочем, промашки с творческой группой гиганта случались редко, а потому театр цвел и пах в умах зрителей, равно как и его казна.

Луку притягивала в театре не столько его непохожесть на другие заведения, сколько труд его труппы, выдававшей через силу порой шедевры мастерства, эмоции, которых на деле и не было в рукописи автора. Актерская команда «Равенны» действительно являлась настоящим кладом креатива: каждый из многочисленных персонажей, воплощенных на сцене, был пропущен через играющего его артиста, но бережно и с трепетным уважением к первоисточнику. Труппа совершенствовала персонажей не только по ходу репетиций, но и в самом спектакле тоже, приправляя их большим количеством импровизаций, заметных опытному взгляду. В результате, «Равенна» выдавала творчески свободный продукт, представленный необыкновенным коллективом артистов, некоторые из которых не имели профессионального актерского образования, а были художниками, писателями и музыкантами, а новому ремеслу учились уже по ходу увлечения этим видом искусства многие года назад. Команда художников ими же и осталась, разбавив свою инициативность и собственную палитру гуашью правильного преподнесения эмоций и игры на сцене, что делало её единственной в своём роде. «Равенна» угадывала, делая это с удивительной точностью.

Братья перебрасывались репликами по ходу действия, но глаза обоих неотрывно следили за сценой, отмечая разные, но одинаково важные детали. Август подпирал челюсть кулаком, а Лука, откинувшись на спинку, в привычной для себя позе с двумя пальцами внутренней стороной прижатыми к виску, и большим, словно поддерживающим подбородок, вглядывался в актеров.

Сегодня ставили северную легенду, представлявшую собой простыню из множества разных лоскутков жизни нордических народов с весьма запоминающимися персонажами. Характерные образы доставляли самим актёрам удовольствие, а мифы были облачены в необычную оболочку, что заставляло всех без исключения зрителей в зале симпатизировать как событиям текущих минут, так и спектаклю в целом. Главный герой, совершенный молодой человек без изъянов и с полным арсеналом талантов, оказался неожиданно отвергнутым своей возлюбленной и решил добиваться её расположения, силой захватив трон. Трагедия истории, очевидно, заключалась в выборе великого человека пойти грешным путём и всё равно получить свой отказ. История одновременно поднимала вопросы несовершенства людей и места одарённых в общей массе. Происходящее на фоне особенного быта и повседневной жизни северных народов принимало облик сказки для взрослых с неумолимо приближающимся совсем не счастливым концом, о чем свидетельствовал путь главного героя по головам с использованием своих недюжинных способностей.

В то время как Август следил за развитием полубога-получеловека, Лука с необычными для себя ощущениями все больше погружался в движения и эмоции главного женского персонажа, необыкновенно сильной девушки, которая посмела отказать самому идеалу. И дело было не только в образе, Лука с улыбкой уже впоследствии осознал, что следит он за невероятной пластичностью и гибкостью тела актрисы и за необыкновенными сине-зелеными глазами, которые были обязаны излучать неиссякаемый позитив и радость, и они, ручался писатель, источали его в повседневной жизни, но здесь и сейчас примеривших на себя всю серьезность и силу, необходимую персонажу.

Спектакль удавался. Как это часто бывало в «Равенне», постановка могла и не произвести на тебя шокового впечатления каким-либо не вполне художественным, а скорее популистским приёмом, но непременно откладывалась в памяти как необычное путешествие в места, где люди оказывались в не вполне типичной для них ситуации. Обстоятельство это укреплялось тем, что для завсегдатаев «Равенны» лица главных актёров были отлично отложившимися в памяти, а смена декораций, сюжета и персонажей создавала впечатление перерождения душ и

тел этих людей в лице кого-либо нового и не менее колоритного, а также тем, что ситуации не выглядели набором театральной утвари и пенопластом.

В очередном антракте Лука выдвинулся в сторону обширных коридоров, оставив Августа разговаривать с одним из творческих руководителей театра, по всей видимости, отвечающего за музыкальную составляющую – младший брат бесцеремонно напросился на совсем не обязательную беседу. В одном из многочисленных проходов, заканчивающемся помещением писатель увидел то, зачем он бродил под сводами «Равенны». Он увидел «Дельфин», небольшой, ламповый и по-особенному освещённый. Маленький, по меркам исполинского театра, и неухоженный зал повторял общую концепцию помещения «Дельфина», с той лишь разницей, что над сценой не нависала изящная коробка гримёрок. Прислонившись к проходу, Лука сделал несколько мысленных эскизов в воображаемом черновике, так удачно оказавшимся перед глазами. Теперь в голове закрутилась идея, стоившая реализации и, как казалось писателю, осуществимая только в «Дельфине» на эксклюзивных началах. По всей видимости, на креатив Луки необычным образом повлиял спектакль, и его этот факт неожиданно заставил ощутить прилив сил и желание вернуться сюда еще много-много раз.

Нордическая легенда подходила к концу, оставляя открытым финал и взаимоотношения главного героя и героини, и такая концовка явно оставила народ равнодушным. Каждый из актёров сорвал свою порцию оваций, но когда центральная актриса сегодняшнего вечера выходила на поклон, то аплодисменты звучали немного иначе: чуть приглушенно-почтенно, как будто отдавая дань не яркой и солнечной девушке, чей характер по окончании спектакля проступал даже через тюль персонажа, а её героине, твердой, волевой, но не менее очаровательной северной женщине.

Глава 9. Тоннели.

- Нет, нет, нет.

Лука сидел в первом ряду, и яростно размахивал руками. Отпив из бокала, он поднялся из-за столика, и поднялся на сцену.

- Я не возьму в толк, что тут с акустикой.

Август подпер голову рукой и постукивал по струнам.

Писатель, оказавшись вместе с братом на изысканной и все еще неизвестно как сохранившей блеск сцене, попал под поток мощного усталого раздражения Августа.

- Даже если я сейчас не дотянул до верхней ноты, это не значит, что я не возьму ее на концерте. Мы репетировали последние четыре часа, а твой перфекционизм здесь неуместен. Я занимаюсь своим делом почти всю жизнь, и знаю, что мне под силу, а, кроме того, – Август сделал пафосную паузу,

- Никто лучше меня не знает, на что способны мои связи.

Лука, сверкнув глазами, спустился в зал. Сидевший немного в стороне оркестр послушно внимал спорам братьев, не гудя и не перешептываясь. Главное помещение «Дельфина» отнюдь не давило своей массивностью и отделкой красным дубом, а даже несколько вдохновляло. Большой и просторный зал уже прихорашивался для будущего представления, многие столы уже сверкали белыми скатертями, искоса поглядывая на репетирующих бокалами и пепельницами.

Август стоял на сцене перед микрофоном в белоснежной рубашке со свисающей с воротника в лучших традициях развязанной бабочкой, и выглядел не то утомленным, не то приободренным в зависимости от угла и освещения. Над ним величественно возвышалась причудливая конструкция гримёрок, нависающая над главной сценой на высоте трех – трех с половиной метров немного другим оттенком дуба, прикрывающая своей массивностью часть выхода на сцену из-за закулисья и освещающая ее встроенными фонарями, но оставляя непокрытой перед узорами потолка большую часть сцены, создавая впечатление пещеры. Окна в этих самых гримёрках, выходящие в зал были устроены по тому же принципу, что и в черном тоннеле – о двух пейзажах речи не было, зрителям из зала открывался лишь желтоватый свет из-за окон – такова была поразительная особенность этого старинного слуги театрального искусства.

Август шагнул со сцены, и присел за столик в первом ряду к Луке, и отхлебнул из стакана воды. Он склонил голову и качал головой словно в такт аранжировкам, звучащим в его голове, только для его переживаний и эмоций.

- Шансы такого калибра выпадают не каждый день. Я понимаю это лучше всех присутствующих, но.. «.. если жизнь – путешествие, то здесь я круто войду в поворот, сменю ландшафт с пустыни на лёд».

Август тихо напел мотив, испытующе смотря на Луку. Брат перебросил ногу за ногу, и постукивал по столу, пытаясь уловить мелодию в голове у брата, и его хмурость плавно перекатывалась в растягивающуюся улыбку, сдерживаемую с еще не растаявшим раздражением.

- «Amazing» звучит все так же круто, как и добрые дюжину лет назад?

Август подмигнул:

- И пускай нам не дадут ее сыграть сегодня, пускай сегодня мы играем кое-что поизвестнее...

- Переигрываем чужие песни. А твои валяются на полках.

- Можно и так сказать, но главное тут то, - глаза Августа горели черным пламенем, вырывавшимся из-под светлых волос, казалось, слегка опалывшим их, - что у нас впереди. А играем в том числе свои песни, пускай между рекламными, раскрученными. И я люблю их все.

- Но не одинаково.

Лука вздохнул и продолжил.

- Конечно, начать стоит с рекламного хода, но разбавленного нашим материалом. Иначе где наше лицо? Неужели уже потеряли? Быстро, я думал подольше продержимся.

- Какова ирония судьбы. Давай посмеёмся над ней вместе в ответ. Здесь и сейчас.

Август замолк, чтобы тронуть важную, и, казалось, запретную тему, которая могла развязаться, прямо как узел, в этот удивительный момент.

- Когда сам запоешь, братик?

Лука, в сотый раз пытавшийся разгадать эту вечную лунную загадку огней нот и тактов, тасующихся в сознании в виде картин прошлого и вымышленного, открыл рот для рассудительного ответа, но, не найдя его, облокотился на стекло.

- У меня голоса нет.

- Расскажешь об этом журналистам, не мне.

Август ударил по струнам, и затянул балладу о вечном, и, неожиданно, в первый раз за всё время, она действительно прозвучала слёзно. Рванув на сцену, чтобы закрепить успех, Август выдал миру пару еще никому не известных аккордов, а после громко расхохотался, упустив полет развязанной бабочки под ноги оркестру. Лука занял привычное место у подножия сцены, и, как только Август снова вступил, подбросил шляпу в воздух, поймав ее аккуратно с первыми словами песни, обещавшей вдохнуть жизнь в «Дельфин». Стоявший в углу полноватый человек в бежевом костюме нарочито громко зааплодировал.

Владелец был удовлетворен увиденным. Спустя еще несколько дней репетиций уже в самом «Дельфине», времени на подготовку первого вечера стало совсем мало, поскольку Сагаделло хотел заявить о себе настолько рано, насколько это было вообще возможно. Общим косметическим состоянием «Дельфина» было сложно быть довольным на все сто процентов, но отмытый и свежий зал театра действительно дарил надежду на перспективы.

Лука стоял в середине зала и поочередно переводил взгляд с одного тоннеля на другой, задумчиво почесывая уже налитую смесью переживаний и позитива бороду.

- Мы теряем козырь в рукаве, не используя их в качестве визитной карточки. Скажи мне, у какого еще театра есть такая планировка?

Август бормотал на сцене очередной мотив, попутно помогая себе игрой на гитаре, а Октавия переходила от одного столика к другому и не отрывала глаз от своих зарисовок в блокноте, потому ответил Луке человек в пёстром разноцветном костюме, сидевший на центральном месте в первом ряду в нелепых солнечных очках:

- У нас даже музыка не подогнана, о каких тоннелях речь?

Лука расчистил место в середине помещения от столиков и вертелся на все триста шестьдесят градусов, обозревая комнату. Повесив пиджак на спинку стула, он закатил рукава на рубашке и закрыл глаза рукой от нависающих а-ля Голливуд волос.

- Это у вас музыка пока не подогнана, Эрик. Я же хочу, чтобы помимо музыки у нас за душой было еще что-то. Что-то вроде атмосферы, освещения, дизайна.

- Твои рассуждения еще душнее моих.

Попугай нескромно занимал центральное место за столиком в первом ряду и очень много шумел, когда музыка не играла: давал советы, расщеплял ноты на атомы и собирал заново, а также покрикивал на оркестр, пополнившийся его оформившейся лидерской персоной. Музыканты из The Juice старались произвести впечатление не только на окружающих, но и самого Луку, словно бы доказывая, что последние пару лет простоя не только не ухудшили, но и закалили их с музыкальной и духовной точки зрения. Присутствие уважаемого композитора, к странностям которого привык весь музыкальный округ, только усиливало активность работы над репертуаром.

Колоритная публика, окружавшая Луку, пока он стоял в центре «Дельфина», обозревая его фасад, которая по определению не могла сработаться, тем не менее выдавала нечто очень похожее на выстраданное полотно из разных кусочков, но сшитое настолько качественно, что это было заметно только профессионалу. С первыми нотами каждой песни Эрик переходил на яростный шепот и перемещался к краю сцены, оттуда бесконечно жестикулируя и указывая пальцами то в небо, то в сторону своих желтых туфель, но делал это так, чтобы Август не отвлекался на него.

Еще одной особенностью «Дельфина» было расположение зоны оркестра, который не сидел рядом музыкантом, а вещал из двух мини-сцен, утопленных у основной, и служивших своеобразными крыльями пространству солиста. Повернутые слегка боком к зрителю и лицом к артисту и, находясь на расстоянии от него, они словно бы играли из полутьмы, так как освещение в той части сцены изначально было поставлено очень скудно, а переделывать всю электрику новой труппе не хотелось: шарм в этой задумке некий был.

- В конце концов, в «Дельфине» и так слишком многое было необыкновенным, и от одной странности мы точно не потеряем, а, быть может, и выиграем.

Лука, спрятав руки в карманы, бродил по центру зала, заслушиваясь тем, как плавней, ритмичнее и ровнее становится музыка у него за спиной из-под рук и голосов сразу нескольких маэстро. Его тревожило внутреннее устройство зала театра, он хотел придать «Дельфину» тот самый дух, сейчас выветренный многолетними выступлениями дешевых уличных артистов и жадными руками Алекса Сагаделло.

Убрав прядь волос с челки в сторону затылка и задержав руку в таком положении на макушке, Лука вновь отправился в тоннели, огибающие зал. Их устройство каждый раз удивляло писателя, он раз за разом проходил по полутёмным коридорам, снова и снова рассматривая их структуру. Наконец, выйдя из одной трубы, он очутился в большом холле с гардеробом, подпираемом колоннами. Благодаря усилиям труппы и нескольких наемных работников в последние дни здесь кипела работа по очищению театра от многолетнего мусора, который сначала перекочевал именно сюда, в главный холл, а уже впоследствии в множество машин, отправивших его в небытие.

Лука усмехнулся, вспоминая его самого, покрытого пылью, старым гипсом и засохшей краской, выносящего из гримерок очередной ящик с обломками и мусором. Работа по преображению театра всё еще шла, но не в то время, когда труппа проводила репетиции. По их окончанию работники возобновляли лечение театра, а Лука и Август оставались им в помощь. В последние дни к этому занятию приобщились и другие члены коллектива, все, кроме Эрика, который не терпел грязи и, извиняясь, уходил. Такими темпами обновление «Дельфина» шло скорым темпом, как и исчезновение финансовых запасов братьев.

Возвращаясь в зал, Лука неожиданно остановился возле потрескавшейся стены одного из тоннелей, и обратил внимание на куски старой краски, еще не опавшей с рукава театра. Сейчас оба тоннеля имели темно-серый цвет материала, оказавшегося под краской, хотя один был потемнее, а второй - посветлее, однако Лука заметил другое, вроде бы очевидно, но открывшееся только сейчас:

- Не кажется мне, что те люди, которые строили этот театр, просто выкрасили два тоннеля по принципу зеркальности.

Октавия, последовавшая за другом в тоннели, пожала плечами:

- Почему нет?

Писатель еще раз потрогал обшарпанную стену.

- Потому что это слишком банально.

Лука улыбнулся и отправился в главный зал, выглядывая жестикуляции Эрика через прозрачное, но все еще грязное стекло светлого тоннеля.

- Что бы это ни значило, мы не станем отступать от традиций и тоже выкрасим их в надлежащие цвета. Кроме того, я уверен, что в этом есть какой-то смысл, задумка.

Глава 10. В лучах бездонного прожектора.

По окончании очередного спектакля в «Равенне», Лука приостановился перед массивными дверями главного входа и обернулся вслед впечатлениям. Гигант тоже был устроен очень необычно, пускай и не настолько артхаусно, как «Дельфин». От центрального входа до главной сцены протянулась широкая аллея, впоследствии дававшая проходы к местам в партере, причем около четверти её скрывалось в полной крошечной тени, и те запоздавшие зрители, которые невпопад перешагивая платья и смокинги, искали свои места, прежде выплывали словно бы из черного тумана. Подсветка в этой части причудливой аллеи наверняка была, но Лука отдал должное то ли задумке, то ли случайности.

Постепенно выходя из зала, молодой человек поймал себя на мысли, что уходить из «Равенны» он не хочет. Дело было не в предчувствиях, а в банальном переизбытке эмоциями, которые он получал от посещения этого места. Лука Николс был по-настоящему зажжен, и вопрос был только в длине фитиля. Писатель стал петлять небольшими проходами в лабиринте служебных помещений и множества небольших комнат и даже сцен, вроде той, которая навевала Луке «Дельфин» некоторое время назад. В тот раз, который дал обратный отсчёт к большим переменам в жизни всех, кто так или иначе верил в то, что, находясь рядом с Лукой, можно рассчитывать на действительно необычные события. Уже сейчас Лука начинал понимать, что его история, с недавних пор каждую пятницу колышущаяся на «Равенне», рано или поздно наберет скорость в этой центрифуге и сам писатель вылетит из неё в открытый космос, но как – он пока не представлял.

Писатель расстегнул пиджак и засунул руки в карманы, оглядываясь в сторону камер наблюдения. Ему жутко нравилось просто находиться в этом месте, большом, необычном, месте, которое могло расшевелить его вдохновение каждым его спектаклем. Он поймал себя на непроизвольной улыбке, устремлённой в красную ковровую дорожку, ведущую прямо к главному входу в зал. Лука остановился, понимая, что ходит кругами и, оглянувшись, вдруг заметил, что дверь в комнату звукорежиссёра открыта. Более того, звуки, доносившиеся оттуда, явно намекали на какие-то приготовления. Лука был заинтригован и, не думая об охране, которая редко навещает внутренние комнаты «Равенны», а на камеры смотрит еще реже, заглянул внутрь студии звука, выходявшей панорамными окнами прямо на сцену и находящейся над залом, издав себя на сцену. Тучный звукорежиссёр, не издавая обыкновенного пыхтения, откинулся на спинку своего стула и поправив длинные, немного тронутые сединой волосы, прислонился к пультам. В наушниках он не слышал ровным счётом ничего, из того, что происходило вокруг, и это позволило Луке безнаказанно остаться в дверном приёме.

Занятый своим делом мастер не обращал внимания на силуэт в проходе: его пальцы ловко щелкали по панели, а сам он параллельно переезжал на стуле с колесиками к панели со светом, также располагавшейся в этой большой организационной студии. Сейчас вместо нескольких человек здесь был только один звукорежиссёр, метавшийся между компьютерами и пультами, и везде справлявшийся на удивление здорово и складно. Луке не позволял уйти вопрос, ради чего он работает за весь штат. С момента окончания спектакля прошло около часа – писатель посмотрел на часы. Без четырёх час, действительно. Уже пятьдесят шесть минут он просто бродил по «Равенне». Звукорежиссёр окончательно перешел к технике освещения зала, оставив звуковые компьютеры и пульта в гордом одиночестве, однако застыл в некой полупозиции, готовый сорваться к ним в любой момент. Он подергал за несколько рычагов, к удивлению Луки, дав мощи центрального луча прожектора вырваться на сцену. Писатель спешно вышел из комнаты техников и подобрался к главному входу в зал. Услышав движение, Лука оторвал ухо от массивной двери и слегка приоткрыл её, достаточно, чтобы было видно происходящее на сцене, но не без риска оказаться пойманным из-за шума.

По помещению разнеслись первые аккорды музыки, а на сцене, в золотых лучах бездонного прожектора, стояла девушка. Она мягко покачивала головой в такт музыке, отчего её волосы теряли необыкновенных черт лицо среди множества прядей и пустого зала. Мягко вступив, она запела, прикрыв большие зелёные жемчужины глаз ресницами. С приближением к припеву, она повысила голос, и раскрыла в полный тон всю красоту как исполняемой её баллады, уже где-то слышанной Лукой, так и собственного голоса. Вторая половина лица, периодически скрывавшаяся за прической, снова спряталась в их сени, предоставив замершему в темноте зрителю лишь озорную и теплую улыбку чуть склонённой головы. В проигрыше девушка едва улыбнулась и потупила взгляд, то ли стесняясь своей затее, то ли получая настолько большое удовольствие, что его нельзя было выразить обыкновенным смехом, при этом её глаза трогательно блеснули.

Нельзя было сказать наверняка, плохо ли было Луке Николсу в этот момент, но своих ног писатель точно не чувствовал, а дыхание перехватило. Облокотившись на закрытую часть двери, Лука сейчас уже понимал, что артистка его не видит, и всё, что захватывало его внимание сейчас – это то, как девушка ловит очередную строку из глубин своего большого сердца. Это была баллада «Freedom», которую Лука слышал много лет назад. В ней есть и мужская партия, которую артистка пела полностью наравне со своей частью. К моменту последнего припева она обхватила микрофон обоими руками, и Луке показалось, что она здесь и сейчас разольется в виде голоса в нечто неосязаемое, до чего не получится дотянуться, в нечто, так ярко и блестяще маленькими каплями светящееся в необъятных глазах. Писатель с последними аккордами прикрыл дверь, и, убедившись в том, что каблучки певицы направляются к главному входу, свернул в проулки «Равенны», выйдя через несколько минут блужданий в подсобку на первом этаже. Открыв окно, Лука прислушался к звонкому, чистому и мелодичному даже без музыки голосу, о чем-то переговаривавшемся с сиплым звукорежиссёром. Помедлив несколько секунд, Лука спрыгнул в тьму парка, закинув пиджак на плечо.

Программка не оставляла шансов соврать: девушку звали Эмилия, и она работает в труппе «Равенны» после того, как заявила о себе на телевидении в одной из запоминающихся ролей. Большой информации украденный из театра буклет не содержал, интернет тревожить желания не было, а фотография с незабвенными зелёными глазами, чуть озорно рассматривавшими Луку по ту сторону глянцевого бумажки, оказалась настолько красивой, что писатель бережно спрятал её в карман. «Дельфин», получив карт-бланш от владельца и публики, уходил на финишную прямую подготовки к масштабному шоу с программой, от которой Август должен быть стонать в кресле, а Эрик кивать головой, почитывая черновик сценария, написанного даже не им. Заручившись поддержкой рекламных агентств по связям Луки, пиар-кампания «Дельфина» набирала обороты уже сейчас. Довольный Август сидел на сцене, свесив ноги в том месте, где она была особенно высока – у самого устья, ведь музыканты попадали в ров из того же помещения, что и солист на свою сцену. Лука отказался от своего обычного официального костюма и пристроился на одном из столиков в зале, облачённый в клетчатую ковбойскую рубашку с закатанными рукавами и джинсы, в которых чувствовал себя самым комфортным образом:

- Нам нужно попасть на приём в «Равенне».

- Зачем? Потолкаемся несколько часов, чтобы ты посмотрел на неё с открытым ртом, а после уйдем? Даже если ты перебросишься с ней парой слов, то...

- То я положу начало хоть чему-то. Услышу слова в свой адрес, отправлю свои ей.

Лука приподнялся и негромко продолжил:

- Мы познакомимся. Этого будет достаточно.

Старший брат прошелся вдоль тоннелей, проводя рукой по застеклённой части коридора.

- С чего-то нужно начинать. Такого шанса мне жизнь может больше не выдать.

Август негромко усмехнулся, но смех его был скорее понимающе – сочувствующий: сам младший брат выглядел уже не растерянным, как когда Лука нагрянул к нему с рассказом, а вдохновлённым.

- Допустим.

Лука поправил браслеты на руке.

- Через неделю там благотворительный вечер. Мне по статусу туда дорога открыта. Вот Марк-то обрадуется.

- Последние месяцы я ношу туда твои работы. Тут скорее ты топаешь туда с Августом Николсом, чем я с тобой.

Лука пожал плечами и вопросительно посмотрел на брата:

- Скажи, что это твое условие.

- Условие?

- Потешу твое самолюбие в виде прицепа, чтобы ты пошел со мной, так и быть?

- Черт, нет, конечно, нет. Это шутка, не будь таким дотошным.

- Но звучало это именно так.

- У меня многое звучит не так, как оно есть на самом деле. А тебе советую прекратить нервничать до такой степени, что...

- Песни?

- Все, кроме оскорблений. Их ты распознаешь быстро.

- Доводилось.

Лука положил руки в карманы и отмерил несколько шагов.

- Так пойдешь?

- Куда я денусь?

Август снова закурил.

- И почему у нас в городе так много театров? Где социальное обеспечение? Неужели все актёры?

Один большой парадокс. Фрагмент интервью Луки Николса для AuthArt. Часть 2.

- Вы верите в любовь с первого взгляда? И как для вас это понятие меняется с точки зрения драматурга, личности и верующего человека?

- Если отвечать однозначно, то скорее да, нежели нет. Я пока не встречал никого, кто сразу здесь и сейчас влюблялся именно во внутренний мир другого человека, влюблялся настолько, чтобы это стало смыслом его жизни. Давайте не забывать, что сначала смотрят глаза – зеркало души, а уже потом думает голова, и как бы вы ни хотели это спрятать, происходит всё именно так. Вы увидели такую красоту, которая мгновенно сожгла все листки вашей тетрадки внутреннего мира, у вас перехватило дыхание, вы почувствовали щеку где-то в области груди, либо спускающуюся к животу, либо окончательно перекрывающую кислород вам тёмной ночью. И только тогда вы сделаете шаг навстречу, если хватит духа. Если в вас нет огонька, который можно, кстати, здорово скрыть и нарваться впоследствии на проблемы с собственной совестью, имеющей свойство горчить, то и дальше пары взглядов дело не зайдет. Но мы же говорим о любви, правильно? О Любви, вернее. Начало всего одно – вы проверите, насколько красивую мелодию на ксилофоне души сыграет тот, кого увидели глаза. Именно в этот момент, в тот самый миг вы внутренне примете решение, в котором потом можете и не сознаться, поскольку оно будет произвольным. Вообще-то, всё, что связано с Любовью нельзя на делить на разные взгляды с точек зрения одного человека. Не понимаю, когда один человек говорит о любви в нескольких мнениях, тем более в моей профессии. Это не просто лицемерие, это отказ от собственных взглядов, которые ты в той или иной манере проповедуешь в книгах. Ты как писатель, как личность, как просто человек с улицы, должен говорить одно и то же, придерживаясь того, что ты хочешь донести. Всё идет через взгляд, а потом вы уже решаете, топить ли себя в переживаниях, заботах и целых городах в глазах другого. Скажите, если не так? И насколько сильно вы влюбились то, что олицетворяет, в виде внешности, нутро того или иного человека, будет зависеть глубина вашего погружения.

- Расскажите о музыке в вашей жизни. Вы не раз говорили, что у вас нет голоса, чтобы запеть.

- До сих пор считаю, что музыка в моей жизни – это один большой парадокс: я люблю музыку всей душой, но музыкантом себя назвать не могу. Сложно представить, что бы я любил из занятий больше, нежели литературу и музыку. Театр и кино, возможно. Но вот как бы я ни причислял музыку к своим по-настоящему необходимым частям жизни, без которых белый свет будет не мил, пока это происходит только в моей душе. Приведу вам пример. Стоит мне представить героиню, источник вдохновения, актрису, скажем, изобразить её тепло, понять за несколько мгновений, что же стоит за её большими и добрыми глазами, чуть прищуренными в улыбке и скрещёнными на груди руками, то я знаю, как я переложу это на бумагу, и какого я подберу ей принца на белом коне. Я знаю, что это будет, условно, сказка для взрослых с неоднозначными персонажами и размытым представлением о добре и зле, аллюзией на общество, допустим. Видите? Возможно, я бы мог изложить эту историю в одном-двух куплетах баллады или блюзовой песни, но смог бы я по-настоящему правильно озвучить эту сказку своим голосом. Это вопрос духа, вопрос эмоций. Я считаю, что настоящие артисты, как, например, мой брат, проделывают куда больше труда, нежели писатели и композиторы, потому что перед ними стоит задача озвучить то, что до них было лишь написано на бумаге. Кому из вас не было проще написать список своих дел или недостатков на бумаге, чем озвучить его вслух, своим голосом. Недаром говорят, что слово имеет силу, проговоренное слово. Так вот правильно донести музыку – это талант, которым я не уверен на все сто, что обладаю. Я склонен полагать, что это

во мне всё-таки существует где-то рядом с другими способностями, но повода расширять свой арсенал у меня пока не было. Думаю, чтобы это Чудо произошло, его должно вынуть другое Чудо. Ну и да, у меня нет голоса. (Смеётся)

Ноябрь.

Глава 11. Беззвучный диалог глаз.

Август звучно хлопнул дверью машины и застегнул пиджак на нижнюю из двух пуговиц. Сегодня его светлые волосы были всё так же неаккуратно длинны, но уложены назад гелем, что он объяснял не суеверием относительно стрижки до концерта, а стремлением достойно выглядеть на благотворительной вечеринке, не отступая от образа. Тем не менее, перед концертами Август непременно стригся, нарушая все стереотипы, чтобы следовать своим. Лука был одет в серый костюм-тройку и солнечные очки, потому что начало мероприятия было запланировано на пять часов, а в последние дни осенняя погода стала давать сбои, пуская яркое солнце на орбиту дневных забот. Правую руку писателя украшали многочисленные металлические и несколько вязаных браслетов, на левой же главенствовали над татуировками большие часы, которые Лука надевал только при выходе в свет. Прическа старшего брата была традиционна для него, впрочем, сделанной с особой аккуратностью: волосы были подняты и уложены в правую сторону, но часть челки всё равно отделялись от общего смоляного ряда и слегка нависала надо лбом тонкими полосками.

В целом, братья выглядели безупречно, что давало Луке повод для энтузиазма. Он не считал себя любителем прихорашиваться, но в этот раз сделал это с особой охотой. Николсы двинулись в сторону главного входа в «Равенну», днём выглядевшей еще более массивной, нежели ночью. Отдав приглашения, с особой бережностью подписанные Марком (Еще бы, Лука согласился на посещения светского мероприятия, что создавало бесценную рекламу книгам и издательству), Лука толкнул главную дверь и, сняв очки, замер с ними в руках.

«Равенна» была полна людей в костюмах и пышных платьях. Впервые писатель видел, чтобы все люстры театра горели в дневное время, которые, вкупе с солнечными лучами, пробивающимися через массивные готические окна, создавали непередаваемую игру блик и цвета на полу исполинского театра. Братья подошли к краю балкона, от которого вниз, к столам и небольшой сцене, вели две полуспиральные лестницы, и стали рассматривать происходящее внизу.

- Если здесь не будет труппы, я немедленно уезжаю.
- Тогда ты будешь вторым у выхода после меня.

Август хлопнул Луку по плечу и спустился в зал по правой лестнице, старший брат предпочёл левую. Братья воссоединились у основания лестницы и продолжили путешествие в зал, который был полон еды, людей и разговоров. Как это всегда бывает на приёмах, их встретили подносом с шампанским, от которого ни один из разведчиков не отказался.

- План такой. Лука отхлебнул из бокала и пристроился в углу большого главного зала аккуратно около одной из серых каменных стен.

- Мне нужно как можно меньше людей, чтобы успеть выделиться из толпы. Разговор вряд ли будет длинным, потому что желающих покалякать на таких мероприятиях всегда выше крыши.

- Тебе может удастся увлечь её собой на целый вечер. И не придётся отстреливаться взглядами и улыбками в сторону друг друга остаток ночи.

Лука хмыкнул и качнул головой:

- Чем больше мне выпадет времени – тем лучше, но хватит и нескольких минут, чтобы запомниться.

- А на то, чтобы донять меня этим – несколько часов.

Писатель улыбнулся и провел глазами по залу:

- Давай посмотримся. Если найдешь её – дай знать. Ты на верхнем этаже.

Август вынул из нагрудного кармана ту самую программку «Равенны» с фотографией Эмилии, уже успевшую помяться у него в окрестностях груди, и не спеша оглянулся.

- Без разогревов? Я бы пропустил бокал-другой.

- Найдешь, и у тебя будет на это предостаточно времени, пока определишь бойфренда или ухажеров. Трезвым у тебя прицел сбивается.

- Надеюсь, ты же будешь жертвовать в честь покровителей этой вечеринки?

Август бросал свои подозрения уже в спину исчезавшего в реке из смокингов Луке.

Глава театра Христофора Леон не создавал впечатление человека, способного быть ответственным ни за что, кроме скромного паба на пересечении улиц около порта. Особой отличительной чертой этого высокого и худощавого человека с рыжими бакенбардами и лысиной на затылке был невиданной мощи и подвешенности язык. Леон перемещался по залу, переходя от одного островка известных в определённых кругах города людей, и везде стремился казаться в доску своим, и, что интересно, у него это нигде не получалось, поскольку поддержать какую-либо другую тему, кроме театральной, он не был в состоянии. Около дальней колонны он встрял в сулившую перспективу беседу с известным художником-авангардистом, но довольно быстро осел в ил из собственных ожиданий, не сумев поддержать термины профессионала и искусствоведа соответствующими познаниями со своей стороны. Переметнувшись в центральный круг, он было нашёл некое понимание у кинематографистов, но вскоре под предлогом признания только одного актёрского ремесла – театрального, а не «фотоаппаратного», руководитель театра уже избегал вопросов о долгах и труппе собственного детища.

Наконец, Леон осел у одного из столов с закусками, где случайным образом оказалась часть творческой группы «Равенны». Почувствовав знакомую почву, глава Христофора расцвел, не замечая, что от труппы постепенно отваливались части людей, стремившихся найти траву позеленее для разговора.

- Я решительно не понимаю, почему у вас в «Равенне» настолько редко происходит смена репертуара. Вы можете давать один спектакль два месяца кряду.

Еще больше раскрепостило Леона блюдо с канапе самого разного сорта, потому мысли его стали еще более уверенными и сильными, а их изложение приобрело форму лёгкого превосходства:

- У нас спектакли идут не больше двух недель, и то это с творческими поправками по ходу действия – в Христофоре, знаете ли, каждая программа отличается от предыдущей.

Симон, один из костюмеров «Равенны», и одетая в светло-коричневое вечернее платье необыкновенной красоты девушка с ниспадающими на плечи густыми каштановыми волосами, переглянулись.

- У всех свои репертуары, кто-то по канапе специалист, а кто-то по бизнес-вопросам. Друг у друга не отнимем хлеб.

Девушка расплылась в широкой и тёплой улыбке и отбросила прядь уложенных на левую сторону лица волос, открыв для света люстр вторую половину лица и хлопнув ресницами. Актрисе не меньше других надоело общество Леона, но она не уходила, оставляя других на растерзание главы театра Христофора, принимая удар на себя. Если при этом на лице у костюмера было написано явное раздражение вопросами и рассуждениями Леона, то девушка не имитировала сияющей улыбки, а искренне снисходительно и понимающе относилась к причудам гостя, кивая вслед его фразам и эмоционально поднимая брови в такт вопросу.

- Знаете, я всё еще нахожусь под впечатлением от вашего последнего спектакля. Хотя вы и слегка переборщили с драмой (Леон слегка подался вперед, словно сообщая тайну), он вышел на загляденье. Ах...

Глава театра проигнорировал терпкую, но добрую колкость в адрес его манеры ведения экономических дел в своём театре, поскольку, вероятно, был на своей волне. Леон завис в

полупозиции, перебирая пальцами в воздухе, вспоминая то самое название спектакля, отчего создавалось положение, что ему стало плохо как минимум с сердцем.

- Как же он...

Пока Леон демонстрировал скудную память и внимание для главы крупного театра в попытках обнаружить за задворках название просмотренного несколько дней назад спектакля, девушка, склонив голову и снова спрятав часть лица за непослушной прядью, ждала от него ответа. Вдруг её зелёные жемчужины, блуждающие по залу из-под укрытия прически, поймали взгляд чёрных глаз и, неожиданно для самой красавицы, остановились, как прикованные. Девушка отвернулась от собеседника и перевела всё свое внимание на незнакомца.

- «Фимбулвинтер».

К троице неторопливым шагом приблизился молодой человек с бокалом в руках и, с трудом оторвав взгляд от актрисы, повернулся в сторону Леона.

- «Зима Великанов», если дословно. Допускаю, что вы всего лишь запомнили, хотя этот сценарий лежал на столе и в вашем театре тоже.

Леон поднял брови, обнажив складки на лбу.

- Неужели?

Молодой человек улыбнулся и едва заметно кивнул главе театра Христофора.

- Безусловно. Я не сомневаюсь, потому что это мой сценарий, который я отдал в «Равенну» под одним из псевдонимов. Написанное под собственным именем они почему-то игнорируют, но я не тщеславен, главное, что труппа и зрители приняли пьесу. Её принес в театр мой брат.

Леон поджал губы, кивнул сценаристу, пробормотав что-то вроде «Хорошего вечера», и исчез в поисках других, более сговорчивых свободных ушей. Молодой человек вновь повернулся к актрисе, провожавшей главу Христофора удивлённым взглядом, а затем обратившей оружие своих сине-зелёных звезд на писателя. На фоне подведённых ресниц её глаза казались необъяснимо светлыми и излучали столько всего, что голова у сценариста слегка пошла кругом. Отпив из бокала и едва обнажив множественные браслеты движением руки к лицу, темноголазый спаситель протянул правую руку девушке:

- Лука.

Она, улыбнувшись, вложила свою руку в его и слегка пожала её, а затем изящно вернув, в бесчисленный раз поправила причёску, едва прищурив глаза.

- Эмилия.

- Без фамилий и пируэтов?

- Я знаю вашу, а вы, наверняка, мельком слышали мою, раз находитесь в «Равенне».

В этот момент у Луки вновь перед глазами всё поплыло по-настоящему, а лампа, сияющая за спиной у девушки, ослепила писателя её силуэтом. Лука, сделав усилие над собой, пожал руку и третьему человеку, ставшему свидетелем фиаско Леона – костюмеру Симону. Эмилия с любопытством взглянула на Луку, вновь отпившего из бокала и звонко, но негромко спросила:

- Это действительно был ваш сценарий? «Фимбулвинтер»?

- Конечно, мой. Освободить вас от уз страшного дракона было куда приятнее оружием, которое лежало у него в замке.

Оглянувшись по сторонам, он продолжил, развивая тему и глядя с улыбкой на отвечающую ему тем же девушку:

- На самом деле, я и вправду не понимаю, почему у вас не берут мои произведения, подписанные собственным именем. Сначала я думал, что тут у вас в труппе мой злобный завистливый однокурсник, не пропускающий пьесы, но вы не очень на него похожи. Если только издалека.

Лука сделал рамочку из пальцев, направленную на Симона, что рассмешило Эмилию, а Лука как замороженный следил за её движениями, опустив портрет из конечностей.

- Для «Равенны» я подписываюсь разными именами, а носит их сюда мой брат или друзья. Вы в них блистаете, а я люблюсь вами в моей пьесе и моей пьесой в вас.

Писатель окончательно допил содержимое бокала, изрядно осевшее в нём, и опустил его на удачно пронесившийся мимо поднос официанта, который чудом удержал равновесие посуды. Эмилия, не отрывая взгляда от глаз Луки, ответила:

- Я действительно слышала ваше имя, оно весьма известно не только в наших кругах, но и по городу в целом.

- Иногда это доставляет неудобства, я не могу сходить в ресторан или просто посидеть в парке с черновиком на колене. В итоге трачу всю пасту на автографы. Что же, зато ребятишки в восторге. Автографы – обязательная программа.

Эмилия посмеялась над шуткой и понимающе кивнула, озарив лицо неожиданной серьезностью. На какое-то время воцарилось молчание, сопровождавшееся недоумением Симона от беззвучного диалога глаз молодых людей, прерванного раздавшимся со сцены монологом какого-то самовлюблённого мецената. Взгляды несли в себе разное, что заметно сбавляло уверенность в еще недавно полной шкале Луки, который всеми силами пытался оттолкнуться в импровизации от чего-либо, при этом не показывая своей тревоги. Эмилия одаривала его удивительным взглядом, будто бы совершенно разоружая его намеренно, будто не веря в то, что этот человек мог совершенно случайно оказаться в этом месте в это время. Девушка скользила от одного края глаз Луки к другому, словно бы догадываясь о тайне, которую теперь знают уже двое, но еще не осознав, что это за тайна.

Её обжигающий бег по теряющему температуру в этом физическом парадоксе Луке заставлял того впутываться в пространство из двоих, при этом тот, изо всех сил сдерживая нервность и монолитную привлекательную непоколебимость, чувствовал, что с удивлением входит в зону комфорта. От вторжения оба вздрогнули, Лука немедленно потянулся к новому бокалу, а Эмилия опустила взгляд в смущённой улыбке. Поймав странный взгляд Августа, обитавшего в углу зала с очередным канapé в руках, Лука, тем не менее, вновь обрёл нити управления собой:

- Я удивлён вашей выдержке в беседе с Леоном. К несчастью, он порой заделывается моим работодателем.

Эмилия пожала плечами.

- Он гость, а я отчасти хозяйка. Люди бывают разные, и я стараюсь относиться с пониманием к их причудам, потому что мы все не без них, верно?

Лука вспомнил Эрика, шипящего из ярко-желтого костюма на сцену и самого себя в рубашке на подтяжках, и кивнул.

Девушка продолжила, расплываясь в улыбке по ходу фразы, отчего её речь стала трудно разборчивой, но милой.

- Тем не менее, это не отнимает у вас звание «героя».

Эмилия вернулась к серьезному виду.

- Извините меня, эмоции порой перевешивают, я себя за это люблю и ненавижу. Это не должно было выглядеть глупо.

- Оно и не было. Вы меня раскрепостили.

Держа в голове ночные прогулки по «Равенне», самопровозглашенный герой приободрил актрису:

- Я стараюсь держать эмоции в туго завязанном узле перед собой. И чем он больше, тем больше хлопнет пощечиной, развязываясь, в книге или сценарии. Вот и хожу по жизни с пластырем на щеке.

Через некоторое время Симон предпочёл оставить беседующих молодых людей наедине, которые прыгали с темы на тему и смеялись добрым саркастическим шуткам Луки. Эмилия внутренне удивлялась тому взгляду, которым её одаривал собеседник, сам же плававший в бездонном океане мира, частичками которого она с ним делилась.

- Вы не просто писатель. Не случается так, чтобы писатель оказывался на таких вечерах – нужно уметь немного больше, нежели написать завораживающую историю.

Лука пригладил ухоженную и постриженную бороду на щеках. Вчерашнее сожаление по поводу избавления от растительности куда-то исчезло, и искать его не хотелось.

- Так и есть. Не каждый писатель является таковым, не каждый сценарист пишет пьесы. Вы говорите о том, что на такого рода собраниях, на собраниях по приглашениям, а уж тем более в «Равенне», собирается совсем не высшее общество, а коллектив...

- Необыкновенных.

Молодой человек улыбнулся и продолжил.

- Это такой водяной знак. Все, кто оказался в этом здании – избранные. И именно поэтому вы можете мне доверять.

Эмилия неожиданно даже для себя вновь обратилась к глазам писателя:

- Нет, совсем не поэтому. Я же здесь не по приглашению, а как артистка. Значит, не избранная. Да и...

- Я тоже не верю в эту чепуху, но мы же вроде как пытаемся соблюсти приличия. Впрочем, сейчас я понимаю, что нам это вряд ли нужно. Это как разбивать желток в яичнице.

Засмеявшись, девушка поймала себя на мысли, что этот обаятельный человек обладает невыразимой харизмой и чутьём, а его напор словно бы обрамляли узоры. Вокруг беседующих людей словно бы не царила атмосфера напыщенного приёма, а если она прорывалась, то Лука гасил её желточными шутками. В этот самый момент Эмилия обратила внимание на то, что все артисты стекаются тонкой струйкой среди гостей прямо ко входу в подсобку.

- Боюсь, мне пора присоединиться к небольшому собранию труппы театра.

Лука слегка развёл руками:

- Всё имеет свойство заканчиваться.

Он вновь ощутил руку Эмилии в своей, уже в знак прощания, и слегка склонившись, пожал её, ощущая бег камней на кольцах по своей ладони. Качнув головой, он оставил девушку с улыбкой на лице, и, развернувшись на пятках туфель, двинулся в толпу вытекавших из театра платьев и смокингов. По пути Лука вновь оставил бокал на подносе у летевшего мимо официанта, а также, вынув из внутреннего кармана конверт, отдал его сборщику пожертвований, задумчиво запустив руки в карманы. Разыскав в толпе у дверей младшего брата, он, успокоившись, сделал еще несколько шагов в сторону улицы. Уже у самого выхода Лука оглянулся, чтобы убедиться, в том, что Эмилия, исчезавшая в дверях в глубине театра, тоже обернулась, чтобы найти его в море людей.

Глава 12. Без ума от этой баллады.

- Если ты решил устроить свидание, то зачем становиться при этом домушником? Август сидел в пижаме на своём письменном столе с сигаретой в руке и сонно рассматривал брата, размахивавшего руками в кресле.

- Потому что у меня брат-домушник. Залазил к подружкам – залезешь и в театр. Лука провёл рукой по горячему лбу и заговорил серьёзней:

- Неужели не понимаешь, какого масштаба мы можем устроить чудо, если всё получится.

Музыкант спустился со стола, и, описав круг в воздухе рукой с сигаретой, отчего она оставила дымное кольцо, ткнул ей в сторону кресла-качалки:

- Погоди-погоди, прежде чем ты продолжишь и скажешь еще какую-нибудь глупость в пять утра...

Август подошёл ближе и пристально всмотрелся в лицо писателя.

- Ты готов запеть?

Лука ответил на удивление просто, словно поразившись, что брата сейчас интересует только это:

- Да, конечно.

- Мм. Угу.

Младший брат был обескуражен, и, подойдя к окну, распахнул его, чтобы выбросить туда остатки сигареты вместе с усталостью.

- Что же... тогда давай посмотрим, что можно придумать.

Лука поднялся с кресла и стал рядом с ним на фоне уже исчезающих звёзд.

- Я прошу тебя о помощи, Август. Давно я это делал? Давно говорил о долге? Ты нужен мне, если это тебя тронет.

- Не знаю я таких правил, где братья друг другу должны. А дело стоит того. Но...

- Но? Ты сказал «Но»?

Август двинулся к роялю и бережно провел по нему рукой. Остановившись, он проговорил фразу, поморщившись от её банальности:

- Я видел, как ты смотрел на неё вечером. Больше никто так не смотрел, не нашёл я парней или ухажёров, а выпил я вчера достаточно для того, чтобы их различить.

Август вернулся в русло перегарного сарказма, не вынося откровенности ситуации:

- Более того – я выпил достаточно, чтобы они сменили имидж и перестали быть ухажёрами, но впустую, эх.

Было не очень ясно, говорит ли Август всерьёз или шутит, однако досада казалось искренней, что слегка напрягло Луку и пошатнуло уверенность в отношении брата к событиям. Тот же проникновенно продолжал вещать:

- Впрочем, это не значит, что их вовсе нет. Может быть, это какой-то очередной клерк с удивительной судьбой и возможностью притягивать к себе галактики.

- Нет, Клерка у неё точно нет. Не тот она человек.

- Определил за три фразы разговора?

- Я писатель, это моя профессия.

- Ты потерявший голову романтик, а это снижает точность исследования.

Август снова начал мерить комнату подошвами:

- Всё, что я хочу сказать... Знать степень авантюристичности мне не важно, это ерунда. Какая разница, какой степени приключение, если эта затея сама по себе, она автоматически выше всех планок рутины. Я хочу сказать...

Младший брат повернулся к Луке и заговорил тихо, словно бы приоткрывая завесу своих заключений и переживаний.

- Даже если нам придётся сделать то сумасшествие, которое ты задумал, я – с тобой. Это действительно может отправить нас на самую вершину Олимпа романтики. Но ты знаешь себя, я знаю себя, и мы не знаем её, совершенно. Быть может, это дико звучит из этих уст, но я бы не хотел наломать дров уже с самого начала. Это важно для тебя, потому – вопрос: ты уверен, что это стоит делать именно так?

Лука не изобразил ни единой эмоции из большой мозаики, вызванной братской речью, и сумбурно клеившейся внутри него:

- Если не так невероятно, то зачем тогда вообще?

Музыкант помолчал.

- Необыкновенные девушки требуют необыкновенных свиданий. Пускай.

Старший брат поймал себя на мысли, что тот прав.

- Итак...

Август потер ладони.

- Что же она поёт?

Через несколько дней, проведённых в снах и размышлениях о будущем невероятного события, выдуманного влюблённым творческим нутром Луки, писатель вместе с братом досматривали последний акт «Фимбулвинтера», знакомого до боли его автору. Спектакль этот был большим экспериментом в творчестве и жизни Луки, и в качестве пробы он решил подослать его в «Равенну» под именем Августа. Когда пьесу приняли, Лука был ни капли не удивлён. Труппа в очередной раз удивляла кропотливой работой с первоисточником, не искажая и не коверкая рукопись, а слегка добавляя в него лоск, адаптируя под немного артхаусный стиль гигантского театра. У автора это вызывало симпатию, которую он относил либо к поднятому настроению в связи с тем, что он снова видел необыкновенную девушку на сцене, либо к готовящемуся чуду невиданной степени авантюризма.

- И где мы, по-твоему, будем сидеть целый час, чтобы нас не вытолкнули отсюда в шею?

- В прошлый раз я просто бродил себе по коридорам и ни на кого не напоролся. Здесь не гонят в шею, Август. Нет тут террора. Рассчитано на то, что богатеи сами поспешат вылететь из зала по машинам на ночь глядя.

- Охранники, тем не менее, есть. Спящие, правда.

- Чтобы не украли ничего. Чем ты зажиточнее, тем больше желание развлечь себя приключениями.

- Крадут только зажиточные? Да ты совсем оторван от реальности со своими сценариями.

- Зажиточные крадут, чтобы развлечься – говорю же.

- Тебя просто ни разу не ласкали славные руки сторонников правопорядка.

- Скажем, что ждём встречи, мы не последние люди в жизни этого города. Что будет в худшем раскладе? Нас поведут к ней самой, и мы заявим, что хотим сделать сюрприз, да. Просто так никто не выкинет селебрити.

- Не лсти себе, ты просто парень за печатной машинкой. А я да – не последний.

- Предпоследний.

После финального поклона, братья вышли из зала и стали следить за перемещениями охранников, беззаботно отправившихся на улицу в общей толпе людей. Остановившись, они стали прикидывать место для безболезненного ожидания своего времени, в то время как толпа струей огибала их, двигаясь в сторону выхода. В то время как Лука утвердил в качестве базы ожидания один из укромных углов в западной части театра, прекрасно знакомого ему по путешествиям, и приготовился к продвижению через прически, подвески и слепящие белоснежные рубашки, он столкнулся в потоке со сладким ароматом, лишившим его сна в прошедшие ночи.

Не остановившись, писатель оказался лицом к лицу с Эмилией, зная, что ждёт его, но тем не менее не сумел совладать с упавшим сердцем, захватившим с собой в бездну дыхание.

Эмилия, уставшая, но довольная, была удивлена встрече, приподняв брови, и не сразу найдя, что сказать. Лука перехватил инициативу:

- Привет!

Погрузив мини-пространство двоих людей в молчание посреди очерченного плывущей толпой круга, Эмилия продолжила:

- В очередной раз на своей пьесе? Неужели у нас всё настолько плохо?

Монолитную уверенность, готовившуюся и спланированную на приёме, сейчас, в условиях цейтнота, было обеспечить невероятно сложно, и Лука был вынужден играть. Поздоровавшись с девушкой, писатель понимал, что сейчас у него та самая репутация таинственного и романтического незнакомца, которая может сыграть с ним либо злую шутку, либо стать дополнительным залпом в салюте.

- Теперь она ваша, не столько моя.

Помедлив, он продолжил, чтобы не упустить упавший так чудно момент:

- Немного лучше, чем хорошо. Но у меня есть еще тысяча причин сверху, чтобы бывать в вашем театре.

Эмилия, оставив торжественность в ночи с приёмом, в повседневной одежде и с собранными волосами всё равно выглядела невероятно притягательно. Минимум косметики на лице, тем не менее, оттенявшей действительно почти невозможные в своей красоте черты, лишь создавал впечатление непринуждённости, а футболка с открытыми плечами нещадно отрывала взгляд Луки от глаз девушки. Девушка уже успела переодеться после окончания постановки, по всей видимости, спеша сбросить образ, грим и наряды Симона.

- Чисто технически, это моя пьеса.

Август пробрался через смокинги к паре и протянул Эмилиии руку:

- Август Николс. Музыкант, сценарист, актёр, и (он понизил голос) не менее талантливый, чем мой брат.

Актриса пожала протянутую руку и улыбнулась.

- Если для вас это так важно – отдаю только что подаренную мне пьесу вам.

Лука смотрел куда-то через толпу:

- Так вот как к подаркам относятся у вас в театре?

Кивнув головой в сторону не то сцены, не то брата, Август встрял:

- На мой скромный взгляд, в вашем театре всё по-настоящему прекрасно. Я бы добавил больше обслуги и меньше света – так антракты будут уютнее и несколько более сакральными.

Все трое рассмеялись, а затем Август, хлопнув писателя по плечу, сказал:

- Хорошо, оставляю вас на несветскую беседу, а мне пора продвигаться к выходу, иначе я просто не успею за убегающими по домам толстосумами.

Молодые люди остались в полной тишине, которую нарушил Август зычным прощанием и движением в хвосте пелотона толпы в сторону выхода.

- Вы совсем не похожи с братом.

Эмилия проводила взором шествовавшего комичной, слегка напускной походкой Августа, а затем вернувшись к Луке.

- Разве что глазами. Такие не спутаешь ни с чем.

Лука скрестил руки на груди, а закатанные рукава льняной рубашки обнажили всё то соцветие браслетов и, собственно, татуировку как главного героя левой руки, скрытое обычно формальным нарядом. Сегодня Лука облачился в бежевый жилет, такие же брюки и белую льняную рубашку.

- Давно никто не говорил так. Обычно всё про слова, страницы сценариев, театры и дурной нрав.

Молодые люди снова смущённо засмеялись, в этот раз уже оба, а взор Эмилиии скользнул по надписи на руке Луки. Взглянув на часы, девушка засуетилась и нехотя попрощалась:

- Мы скоро закрываемся, а тут еще столько всего нужно сделать.

Эмилия сделала рукой круговое неопределённое движение рукой в сторону сцены и закулисы, а Лука кивнул с пониманием.

- Да и мне не хотелось бы, чтобы вы застали нас вышвырнутыми за шкуру из главных дверей «Равенны».

Через двадцать минут театр предстал в том виде, каким его заставлял Лука в свои ночные прогулки: пустынный, величественный и притаившийся, словно в ожидании спектакля своей принцессы. Лука и Август сидели на запасной старой скамейке под одной из лестниц, скрытые в тени, и вполголоса перебирали вероятные шансы становления фокусниками. Наполненная неким духом атмосфера «Равенны» больше не пропускала света фонарей извне, закупорив оставшихся в её объятиях глухой и теплой сказкой своего декора.

- Душно зато тут.

- С охраной будет посвежее.

Старший брат быстро парировал колкость Августа, и, закинув ногу за ногу, думал о собственном замысле, который так неожиданно ворвался горячим потоком в его холодные воды, почти как те, что стояли в городском заливе.

- И камеры не работают?

Август вновь встрял с насущным вопросом, отчего Лука окунулся в нынешний момент с мурашками по коже.

- Нет, после спектакля они не видят никакой угрозы подрыва или чего-либо в этом роде. Да и еще раз тебе повторяю: наверняка я уже ранее был замечен, если они работают.

- Почему тебе не говорят об этом?

- А я приношу какой-то вред? Может, они уже думают, что мы пара и я там с согласия Эмилии.

- Судя по этим высказываниям, сомнение отца все же пошло не в меня.

Без пяти минут двенадцать Лука поднялся и отправился по красной дорожке в бесконечные лабиринты театра, который вызывал у него совершенно необыкновенное чувство прикосновения к небесам, огню, воде, красоте, чему-то вечному, что Лука пока не мог разобрать. Ища в себе ответы на многие вопросы, он приближался к ним только здесь, в стенах «Равенны» и, частично, в «Дельфине», когда во время репетиций или концертов ощущал те самые крылья за спиной, медленно и величественно распускавшиеся в такт рождаемым им нотам. Наполняя зал своей тенью крылья дарили восхитительную легкость в груди, саму по себе поднимавшую, отрывавшую тело от сцены и земли вверх, куда-то к Фибулвинтеру, каким бы страшным он ни казался со в мифах и легендах.

Сейчас Лука не шёл по дорожкам, а летел над ними, вынув крылья из чехла, летел, освещая улыбкой нескромные коридоры «Равенны». Приоткрыв заветную дверь, Лука облокотился на вторую часть массивных ворот в зал и едва заметно принялся всматриваться в ожидании чуда, взмахивая падавшими на лоб волосами. Август пристроился рядом и выглядел несвойственно серьезным и собранным для самого себя, он не только понимал важность момента, но и ощущал необъяснимую ауру, обволакивающую этот миг. Весь театр подобрался и слегка выдал своё волнение щёлкнувшим на сцену прожектором. Волшебная тишина ожидания была бережно и мягко прервана негромкими шагами Эмилии по направлению к микрофону, в луч местного светила. Нежно прикоснувшись к микрофону, девушка дождалась начала проигрыша, который прошел по Луке холодом по спине и заставил вновь скрестить сцепленные было в замок руки.

С первыми аккордами уже знакомой ему баллады, волнение влюблённого улетучилось и скромно спрятанные за спиной крылья стали постепенно раскрываться в виде блеска в глазах. В первый раз Лука почувствовал всю мощь момента, доселе не трогавшие настолько глубокие струны в его внутренних арфах, сейчас он едва ли не хотел спрятаться от волны, захлестнувшей

его горячей мозаики эмоций, когда воображение рассыпалось на самые различные образы и фантазии лишь только при одном взгляде на эту девушку, на её мир и её песню. В бесконечной череде множества сияний, Лука терялся в ощущениях, перекрывавших его дыхание и биение сердца, останавливая его в одном ритме с голосом Эмили. На лице писателя был написан восторг, умиление, влюблённость и безмерное желание, чтобы этот момент, превращавший его воображение в миллионы лоскутков, осколков зеркала, в каждом из которых отражалась Эмилия, не заканчивался никогда. Сохранить этот момент навсегда в материализованном виде не вышло бы никак, и всё, что могло спасти его в памяти – это бесконечное повторение этих переживаний в виде разных каждодневных светлячков песен, улыбок, смеха и слёз, его неразрывность в виде круга, начинавшего свой путь каждое утро и исчезающих к вечеру, чтобы новый день был снова встречен очередным чудом с Эмилией. Единственным спасением Луки от превращения в один невиданной глубины комок воспоминаний и нежности, сжимаемый с каждым днём всё больше, было создание новых чудес и дней с этой непохожей ни на кого девушкой.

Эмилия слегка отодвинулась от микрофона, поставив точку с «Freedom» сегодняшним вечером и вопросительно посмотрела в сторону кабинки с тусклым светом с немой просьбой продлить сегодняшний спектакль еще на несколько песен. Когда актриса, прикрыв глаза от ослепительного света и волнения, начала свою новую историю, в проходе в зал гулял только бесконечный сквозняк от приоткрытой двери.

Глава 13. Смутьян на балконе.

- Я уже вижу в этих декорациях руку Эрика.

Далеко за двенадцать ночи на часах, а труппа «Дельфина» всё еще хлопотала над внешним видом театра. Лука, склонившись над аппаратурой, помогал Августу отрегулировать направление света. Прожектора никак не хотели слушаться братьев, несмотря на большой опыт взаимоотношений с техникой у обоих. Николсы по очереди крутились вокруг большого цилиндра центрального прожектора, в то время как внизу, около сцены, Эрик стучал тростью по аллее из самых разных лампочек, сопровождавших артиста при выходе на сцену. До первого номера оставалось немногим меньше двух суток, и приготовления вступали на финишную прямую. Театр готовился фонтанировать первым за долгие годы серьезным шоу, и его обитатели сейчас больше всего хотели положить достойное начало многочисленному марафону будущих успехов, каждый из своих соображений, но единодушно в целях.

Август убрал крупные капли пота со лба.

- Мы бьемся головой об стену. Здесь ничего не работало по-настоящему года три. Последний, кто прикасался к нему до нас, - младший брат ткнул отверткой в барабан прожектора, нагло смотревшего одним глазом циклопа прямо на Луку, - это какой-нибудь смутьян, пинавший его ногой с похмелья.

Лука развернул калеку глазом в зал, и тот издал хруст, сопоставимый со звуком трескающегося зуба:

- Смутьян на балконе с освещением? Какая пьянка его сюда загнала?

- Меня и не на балконы загоняла.

Братья снова склонились над прожектором. Август сидел по-турецки, фиксируя стойку прожектора, Лука же параллельно пытался запустить свет в зал, причем оба Николса не мешали друг другу лишними движениями, а словно дополняли общую картину починки, пускай всего-то прожектора. Из-под мини-балкончика, специально для световых мастеров, раздались звуки трепыхающегося полотна. Перед глазами Октавии, перечитывавшей записи по необходимой для оставшихся декораций утвари, предстал Эрик, откинувший ткань кулис, и выкатившийся на сцену из тьмы под гримеркой прямо в луч прожектора, направленный Лукой. Когда Эрик застыл в таком положении прямо перед краем сцены, Октавия закрыла лицо руками и затряслась в беззвучном приступе смеха. Эрик встал с колен, отряхнул яркие брюки, и, откашлявшись, двинулся в сторону столиков:

- Сцена совершенно точно готова.

Наверху разразился хохотом Август.

Сегодняшнее состояние «Дельфина» можно было назвать удовлетворительным. Нанесённая несколько дней назад краска уже выветрила все свои сторонние ароматы, и осталась лишь приятным глазу неотделимым фрагментом общей картины театра. Красили большое помещение с большим трудом, с учётом того, что в работе были задействованы абсолютно все наёмные работники и творческая труппа, что, в случае с последними, скорее создавало проблемы. Август несколько раз ронял краску, находясь на лесах под самой крышей, а потом несколько часов кряду отмывал, изрыгая в гнев самые причудливые сочетания ругательств из знакомых ему, огромные фигуры на полу, похожие на те, которые предлагают оценить своим пациентам психологи. Под конец, естественно, выяснилось, что некоторого количества краски, ровно на час работы с последней стеной, не хватает. Исправить это было нетрудно, но необходимого цвета не было ни в одном из ближайших магазинов, и братья были вынуждены оказаться на самом отшибе города в маленькой лавке, где нашлась лишь одна банка дефицитного материала.

Тем не менее, работа над тоннелями наверняка осталась как одно из самых необыкновенных событий в жизни каждого из присутствующих в театре. В полутьме, с нахлобученными на

голову касками с фонарями, а также с выставленными в центр парой мощных фонарей из гримёрки, направленных в разные стороны, работа напоминала миссию по исследования пещер. Именно в таких условиях, а также осязаемого цейтнота, команда по-настоящему добавила в скорости и качестве работы. Оба прохода, в соответствии с замыслом Луки, окрасили в противоположные цвета. Белый тоннель приводился в потребный вид заметно быстрее черного – это можно было объяснить как наличием Эрика и Августа во втором, которые соглашались красить именно чёрный, и никакой другой, так и объективной причиной – темный был полностью закрытым, в то время как светлый представлял из себя застекленную оранжерею. Лука, под конец дня перебросившийся в чёрный тоннель в помощь местным, чувствовал удовлетворение решением по цветовой гамме.

До сих пор он не понимал, какой был замысел создателей, декорировавших «Дельфин» в момент его создания, и уже даже не планировал когда-нибудь разгадать эту загадку, просто придя к заключению, что два диаметрально разных прохода будут смотреться и ощущаться лучше, чем однотонные.

- А смысл всегда можно будет придумать.

Август в последние дни стал больше курить и отпускать шуток, что для брата не было сюрпризом: младший заметно нервничал в связи с приближающимся концертом. Для остальных его поведение лишь немного отличалось от обычного: Август чередовал серьезность с развязностью, просто сейчас промежутки между ними увеличились, а сами эти отрезки стали масштабнее и глубже. Музыкант чувствовал приближение важного момента в своей жизни, от которого не получится ни отвертеться, ни сбежать, и он впервые в жизни не хотел, так как чувствовал колоссальную ответственность за всю небольшую семью «Дельфина», и, конечно, за брата, безмятежно окунавшего тоннель в мрак черного цвета.

Имея среди друзей и в штате Октавию, «Дельфин» сильно выиграл во всех отношениях. Во-первых, профессиональный дизайнер в перерождающемся театре был необходим кровью из носу, а во-вторых, единственная девушка среди артистов была незаменима с точки зрения вкуса и атмосферы. Октавия часто давала альтернативное видение того или иного элемента как декора, так и программы, что расширяло арсенал небольшого, но до предела наполненного креативом штата. Сегодняшнее состояние «Дельфина» практически точь-в-точь соответствовало изначальным черно-белым наброскам графита на ватмане, выданного творческой группой под руководством Луки и Октавии перед началом работ. После тотального очищения от остатков предыдущей жизни под нескончаемо льющийся джаз и блюз из полностью заменённой акустической системы театра, «Дельфин» принял освеженный, не законченный, конечно, еще образ, но уже способный удивлять всю новоприбывшую аудиторию.

Слабых мест по текущему положению дел у театра не было: «Дельфин» на сегодня не претендовал на зубодробительное технологическое шоу, но уже не отсиживался в ямах и подворотнях, боясь огней крупномасштабных театров. Братья вложили в это место практически всё, что было у них за душой и пазухой, рискнув большинством в своей жизни, и сейчас было похоже, что куда более беспечный Август переживал из-за этого больше, чем Лука. Старший брат верил в успех шоу младшего и старался оценивать его именно профессионально, а не с точки зрения участника и родственника артиста. Сейчас шоу должно было выстрелить, а антураж если не поможет его главным героям, то уж точно не помешает.

- Мы заменили всё, что можно было вынести.

Август кивнул.

- Всё, на что нам не хватило времени и денег – это элементы роскоши.

Братья раскачивались друг напротив друга в центральном помещении закулисья, откуда можно было попасть в технические помещения. Эта большая комната заканчивалась круговой лестницей на второй этаж в одном углу, где располагались уже частные гримёрки артистов, нависавшие над частью сцены светящейся коробкой, и узеньким проходом в помещения зву-

ковиков и техников в другом. Здесь же можно было выглянуть или даже выйти в парк на заднем дворе через широкое окно.

- Они должны дополнить наше действие уже после первого вечера. Тогда будет чуть проще дышать, развернёмся по-новому. А сейчас – всё в твоих руках. Ну и немного в руках Juice.

Август засмеялся и зажёл сигарету в ярком жёлтом свете множества маленьких ламп, наполнявших крышу и стены гримёрки.

Он одновременно отражался в нескольких зеркалах и покачивался в такт Соломону Бёрку, люющего из колонок «Дельфина».

- Я завтра иду в «Равенну».

Лука непривычно для себя поймал на мысли, что он испытывает сладкое беспокойство относительно будущего вечера и втайне надеется на то, что брат компанию ему не составит. Ему хотелось посмотреть новый спектакль в одиночестве.

- Естественно, не постановку. Но вечером всё равно делать нечего, кроме как пить кофе и нервы друг у друга.

Август казался спокойным и ироничным внешне, но его внутреннее волнение относительно будущего было заметно. Братья одинаково успешно защищались от кризисов иронией и шутками, различавшимися лишь степенью жестокости и черноты.

- Я останусь с тобой до вечера, а ночью вернусь наводить лоск и вычищать ноты.

Август откинул светлую шевелюру на спинку кресла-качалки и задумчиво пробормотал в потолок, смотревшего множеством желтых глаз ламп:

- По моему, всё уже отшлифовано до такой степени, что мы уже начинаем снимать саму краску.

Глава 14. Те, кто тоже хочет быть Атлантами.

- Да ладно вам, Эд. У нас же даже профессии в чем-то похожи, вы не можете мне отказать. Звуковик «Равенны» смущённо почесал густую коричневую бороду с несколькими белыми пучками. Он был в явной нерешительности и смущении от сбивающего с толку сравнения профессий.

- Послушайте, я не намерен закладывать бомбы под сцену, друг мой.

Заметив, что техник еще больше переполошился, Лука поспешил добавить:

- Я хочу сделать сюрприз этой девушке. Сюрприз, которого она заслуживает. Который возможно сделать только ей.

Эд был одновременно парализован напором молодого человека и расслаблен купленным им бокалом виски в первом же придорожном баре, потому всё, что ему оставалось – слушать.

- Вы мне не верите. Я знаю, это секрет, секрет ваш с ней, и никто более о нём не знает. Я понимаю это. Но если я стал свидетелем вашего секрета, то уж позвольте мне в нём поучаствовать.

Лука отхлебнул кофе.

- Вы даже не представляете, насколько большой дар с небес упал мне в руки. Я не ожидал этого подарка.

Техник, наконец, прервал молчание. Говорил он осторожно, но холодно:

- Он вам еще не упал в руки. Он упадёт тогда, когда я скажу.

Лука принял хищную стрелу на щит и перешёл в свое наступление:

- Подарок свой я получил уже тогда, когда увидел её на сцене. Сейчас я хочу отплатить ей и сделать счастливой её.

Звуковик хлопнул пустым бокалом по столу и, наконец, обильно заговорил – хмель играл свою партию.

- Кто вы такой, что у вас за душой? Я вижу вас впервые, пускай лицо и знакомо. Почему я должен пускать вас в зал к девушке...

Он осёкся и стал невнятно бурчать.

- Продолжайте, Эд.

- Дайте мне хоть одну причину.

Писатель откинулся на спинку.

- Моя фамилия – Николс. Я писатель, сценарист, и, с недавнего времени, продюсер. Моё лицо везде. Если что случится – не смогу исчезнуть, а единственное, что может случиться – это выпавшая возможность произвести впечатление на самую невероятную девушку в мире.

Эд кашлянул и уже не был так непоколебим.

- В этом вы правы, Николс. Я не признал вас сразу, потому что...

«Потому что ты пьян» - подумал писатель, сценарист и, с недавнего времени, продюсер.

- Вы нечасто появляетесь на публике, но ваши романы и сценарии я знаю прекрасно.

Эд начал жестикулировать и включил в беседу свою богатую для звукорежиссёра мимику.

- Она и вправду самая невероятная девушка во всей вселенной. Вы представить себе не можете, какова она. Получив в свои руки славу, Эмилия не стала разбрасываться её острыми перьями – она запустила их в себя, утопила лезвия, чтобы не поранить своих близких. Знаете, она все еще наивна, открыта и добра, она всё еще человек, а не то подобие, которое разгуливает в разукрашенном песце на шее по ковровым дорожкам. Вы бы видели её...

- Я видел. И хочу увидеть еще.

Техник смущался и путал слова, но сейчас его речь начинала быть решительной.

- Кем бы вы ни были, пустить просто так вас к ней я не могу. Зная её – то, что вы сделаете, даст вам открытый путь к её сердцу. Она трогательна, влюбчива, это настоящая принцесса. Слишком просто и легко, а я вас совсем не знаю.

- Но если я до этого додумался и решил осуществить, и даже рискую, и даже упрощаю вас, не означает ли это, что я тот самый принц к принцессе в комплекте?

Звуковик почесал затылок и взглянул на дно стакана.

- Возможно. Но как нам в этом убедиться?

- Проверить временем.

Эд откинулся и вздохнул.

- Я не могу. Простите, это нарушение всех законов театра и чести. Счастливого.

Техник поднялся и, схватив в охапку шляпу и шарф, выдвинулся в сторону выхода.

- Эд?

Уже у самой двери он оглянулся.

- Что вы знаете о «Дельфине»?

Принц пошел ва-банк.

- Это вы ответственны за то шоу, которое грядёт в ближайшем будущем?

- Несколько человек и я. Команда. Я один из них, и генеральный продюсер этого представления. Как вы понимаете, моё имя не пустой звук в творческих кругах. И сейчас остановил я вас не для этого, а для того, чтобы поговорить на совершенно иную тему.

Эд задумался, отражаясь во вновь наполненном стакане, поднятом в его честь над столом, а писатель продолжал.

- Я хочу предложить вам работу. Нам очень не хватает квалифицированного звуковика, и, увидев вас в деле, мне пришла в голову мысль, что вы нам очень подойдете.

Лука постучал пальцами по столу.

- Всю жизнь... знаете, всю жизнь при слове «театр» у меня перед глазами стоял «Дельфин». И сейчас, когда я дождался своего приглашения, то... оказался связан контрактом с «Равенной».

- А вы не разрываете контракт. Один вечер раз в несколько месяцев. Ваши работодатели не пострадают от нашего сотрудничества. Я их пьесами обеспечиваю, уж звуковика они отпустят на вечерние репетиции пару-тройку раз в неделю, да так, чтобы не совпадало с их графиком. Это ваше свободное время и свободное, соответственно, решение. Вы фрилансер, спрятанный в комнате с аппаратурой, которая находится в помещении вашей мечты. Никаких имидж-потерь для «Равенны».

Техник качал головой и слегка гудел, принимая тяжелое решение. Наконец, он выдал с энтузиазмом и облегчением:

- Я... я не могу вам отказать. Не тут. Не с этой просьбой. Даже несмотря на то, что вы за сегодняшний вечер дважды предложили мне нарушить устные и письменные договорённости.

Лука улыбнулся.

- Мечты сбываются, друг мой. Приходите на досуге в «Дельфин», посмотрите, как идёт декоративная работа. Преображение закипает в полной мере. Для вас эти двери всегда открыты.

До звуковика только сейчас начинал доходить масштаб с ним случившегося.

- Когда будут репетиции, мы вам позвоним. А пока – походите, погуляйте. Теперь это и ваш театр тоже.

Эд был не столько озадачен, сколько взволнован, но по его расчерченному морщинами лицу этого было не сказать. Пухлый от природы, покрытый густой, уже начинавшей седеть бородой и, судя по всему, живший в классической инженерной жилетке, где покоились очки, часы, линейки и карандаши (ох, стереотипы), несчастный заложник сладкого шантажа сейчас находился между состояниями вины и исполнения мечты. Он балансировал в сладости и едком

ощущении предательства (по его собственным ощущениям), поочередно окунаясь в каждую из сторон. Эд категорически не любил всё упрощать, составляя целые узлы из, казалось бы, шелковых нитей, и алкоголь сейчас ситуацию не облегчал – утяжелившийся и надутый звукорежиссер был похож на Санту, побывавшего в реальном мире чуть больше, чем 5 минут в дымоходе.

Наконец, он прекратил бесконечный поток мыслей, чем уже стал героем в своих мутных глазах и вновь обратился к Луке:

- Каков будет новый «Дельфин» - вопрос вопросов. Старый заставил бы меня считать «Равенну» остановкой в мотеле на пути к нему.

Лука ожидал вопрос, который затронет пространную тему, смоченную алкоголем, но такого поворота он не предвидел.

- «Дельфин» вам известен лучше многих.

Эд усмехнулся и принялся рассеянно считать капли на окне, попутно бормоча так, чтобы это было внятно услышано, но при этом не было распознано как трезвая речь:

- Каждый, знаете, каждый в этом городе, кто хотел стать чертовым творцом или его подмастерьем, как вышло у меня, знал всё о «Дельфине». Кто его знает, что происходило там, чем он славился – вроде бы тот же театр, что и другие. Даже трещин побольше, чем в других.

- Сейчас их не будет.

Эд отмахнулся от циничного тона писателя, который явно высмеивал пьяную тональность звуковика.

- Вам не хуже меня известно, о чем я, раз уж вы не то что взялись испытывать свои шансы с Эмилией - вы решились снова поднять рай на земле из пепла.

- Не преувеличивайте. Всему есть предел, и здесь он явно вертикальный...

Грубая рука звукорежиссёра неожиданно жестко накрыла предплечье Луки, охватив его полными пальцами и слегка впившись ногтями. Писатель вскинул брови и с силой дёрнул конечность обратно, однако Эд оторвал взгляд от миллионов отпечатков дождя на прозрачном бывшем песке, огоражившем душевное заведение от внешнего мира и вдруг проговорил с пограничной эмоцией, скорее отдававшейся из зоны обиды:

- Вы... Вы взялись за это место – не недооценивайте его для публики этого города. Мы выросли тут, в этих шляпах и в этих шарфах у очередной вывески, которые не как на Бродвее – они местные, дельфинские, в них лампочки другие.

Лука внимательно слушал исповедь, выраженную в иных словах, нежели обычное сокрушение в грехах.

- Николс, если вы вознесете звезду хоть на немного ниже, чем она светила раньше, если хотя бы на толику её свет будет менее ярким, чем раньше, то вас не простят, вас съедят, вас сотрут в приправу - мельницу прежде, чем вы откроете двери. «Дельфин» - это первый год нашей эры в театрах – если не сможете обнулить мироздание, то лучше не беритесь.

Звукорежиссёр отпустил руку Луки и откинулся, не обращая внимания на белесый след, оставленной им отметины.

- Для этого у меня есть вы. Я не беру этот груз на свои плечи в одиночку, и я ищу тех, кто тоже хочет быть Атлантами. Разве не шанс стать художником, подмастерье?

Лука улыбался и посыл звукорежиссёра понимал – сейчас ему было необходимо правильно подобрать слова, поскольку из души они не лезли – стакан их наоборот предательски глушил вместо стимулирования. Писатель не знал «Дельфин» так близко, как большинство театральной прослойки пирога города, потому ему нужно было интуитивно попадать в ритм, смешивая его со своим видением театра.

- Большое дело – большая ответственность.

- Большой салют по его окончании. И большое чудо в его процессе.

Эд поморщился.

- Снова вы о чудесах.

- А о чём ещё нам с вами беседовать в такое время и посреди такой погоды с такими напитками на столе?

- О времени, погоде и напитках, полагаю.

Лука улыбнулся.

- У меня другие планы. И в будущем, в отрыве от сегодняшнего диалога, они не связаны с этими понятиями.

Звуковик выдохнул.

- Если договоритесь с охраной. И вообще, у меня ощущение, что вы купили и меня и мою подругу с потрохами только что, потому что я знаю, какое впечатление на неё это окажет и...

- Вы говорите, что это беспроектный вариант. Примерно это я и рассчитывал услышать, но вы даже отдаленно придумать себе не сможете, насколько плохо я представлял ту радость, которая сейчас во мне.

Лука, хорошо представляя свою радость, неуклюже махнул официанту, встряхнув браслетами, чтобы тот повторил напитки.

- С охраной поговорю я, а вы за меня поручитесь. Не хочу все делать по-черному.

- Вас уже заметили и опознали, поверьте.

Лука вспомнил разговор с братом и откинулся на спинку:

- И не поставили в известность с ордером на арест или обыск?

- В театре ничего не пропала, а вы явно не злоумышленник, да и стояли все время у двери зала, наблюдая выступление. Вас просто сочли чудачком – селебрити. Как вы выбирались?

Эд был очень доволен минимальным превосходством над писателем, основанном исключительно на его вере в непоколебимость и бессонницу охраны. Достоверно он не знал. Охранники были какие-то замкнутые в последнее время, даже кепка не взмывала над постом в знак приветствия. Ему однажды показалось, что один из них сделал шаг в сторону Эда, когда тот пришел с утра на днях, а затем осекся.

- Через окно подсобки на первом этаже. На том углу на улице камера смотрит в другую сторону.

Звуковик хмыкнул и смотрел, как Лука вертел стакан, отчего тот периодически издавал хрустальный стон от соприкосновения с деревом стола.

- Так все же. Когда приходите в «Дельфин»?

Глава 15. Двенадцать ровно.

- Выключи эту ерунду.
- Если это – ерунда, то как назвать то, что ты исполнял все предыдущие до «Дельфина» годы?

Август вздохнул и отпил из облепленного наклейками с рекламой картонного стакана. После этого младший брат натянул шапку поглубже на уши и присмотрелся в темноту холодного ноябрьского вечера. Братья сидели в сером Шевроле Луки на парковке «Равенны» и всё, чем занимались последний час – это смотрели в сторону выхода из театра. Лука выглядел слегка раздражённым, затея брата ему совершенно не нравилась, хотя отчасти он был с ней согласен.

- Перед тем как стать домушниками или «театрушниками», мы должны убедиться, что она задержится на час в очередной раз. Если задержится сегодня, то задержится и в день закрытия представления.

Лука не стал отказываться от идеи хотя бы потому что он был не против увидеть Эмилию еще раз. После приёма ситуация внутри него «усугубилась до предела», по мнению Августа: старший брат был настолько ошеломлён актрисой, что не ночевал дома, а провел несколько часов, шатаясь по паркам, а впоследствии нагрянув под утро к Августу за чашкой кофе. Младший брат не переживал такого в своей жизни, но относился к переменам в брате с пониманием.

Лука не становился обузой, как это бывает с влюблёнными, напротив – он отчасти был предоставлен сам себе и мыслям, шумевшим штормами большим зелёных глаз Эмилии. Он очень многое написал в последние дни, закончил несколько, казалось бы, безнадежных черновиков, и теперь готовился к событию, которому было суждено, по замыслу, явить необычного и разностороннего Принца Равенны. Сейчас сам Август был весь в мыслях о будущем сумасшедшем вторжении и последующем чуде, однако звеневшая по радио музыка сильно выбивала его и колеи, потому он повернул колесико в сторону нулевого звука. Лука пил свой кофе и пар от его дыхания выскальзывал в окно. Старший брат тоже настолько улетел в свои переживания и воспоминания, наслаивавшиеся одно на другое в один из немногих моментов спокойствия и умиротворённости, что не заметил исчезновения музыки.

Август поёжился и, взглянув на часы, которые у него по обыкновению перед каким-либо событием находились циферблатом с тыльной стороны предплечья, как у спецназа, сообщил:

- Двенадцать ровно.
- Стало быть, начала петь.

Младший брат спрятал часы под рукавом рыжей кожаной куртки и отпил из высокого картонного стакана.

- Беседовал со звукорежиссёром?

Лука утвердительно кивнул и улыбнулся.

- Он не вполне хотел с нами сотрудничать, но я нашёл способ его убедить.

Август хмыкнул и сделал еще глоток.

- У него не было выбора, я полагаю.

- Стало быть, охрана в эти часы не сильно смотрит за происходящим, зная, что вечерние спектакли в театре – это в порядке вещей. Так?

- Они в это время демонстративно курят или не придают значения происходящему на камерах. Знают, что всё, что происходит в театре – часть представления, пусть и немного внешнего.

- Они курят или будут курить, потому что ты попросишь?
- Будут.
- Наличие звукорежиссёра за пазухой сильно облегчает задачу.

- Кабину со сцены будет не видно, а тень должна успокоить её и создать впечатление, что всё происходит в ежедневном, насколько это вообще возможно для ночных свиданий или концертов, режиме.

Август удовлетворённо кивнул.

- Мы должны расположить стойку так, чтобы тебя не было видно. Чтобы ты мог по-настоящему появиться из темноты на своём куплете.

Лука провел кожаной перчаткой по волосам, отбрасывая непослушную челку куда-то в сторону затылка.

- Не совсем. Мы должны оказаться рядом с разъемом, в который сможем подсоединить стойку. Тогда вы сможете через центральный пульт обнаружить и вывести её на главные динамики, чтобы я звучал наравне с Эмилией.

Август нахмурился.

- И если этот разъем находится в месте, которое я не смогу затемнить отключением прожекторов и ламп, а еще мне нужно знать, приспособлены ли тамошние розетки к тому...

Лука хлопнул брата по плечу и достал карту-схему главного зала «Равенны» из внутреннего кармана пальто.

- Нам повезло. Младший брат был явно удивлён наличием у затейщиков карты исполинского театра.

- Выторговал у одного сотрудников технического отдела за билет на следующее шоу в «Дельфин». И да, его зовут Эд. Тот самый звуковик.

Август изобразил гримасу:

- Ты выторговал эту схему на мои проникновенные песни?

- Скорее на свои часы продюсерской работы. Причем в штат, нам ведь нужен звуковик? Невелика цена для свидания с самой красивой девушкой в жизни, правда? Дать работу человеку, в котором мы нуждаемся?

Август криво улыбнулся и принялся водить пальцем по плану.

- Посмотрю я на этого Эда, который работает по блату. Один из разъемов, стало быть, находится на алее, заканчивающейся сценой. В проходе, находящемся лицом к сцене, так? Явно использовалось для какого-то представления, начинавшегося прямо в зале.

Будущий принц кивнул.

- Разместив там стойку за несколько минут до полуночи, пока она будет готовиться к своему номеру, мы получим некоторое время для того, чтобы ты с Эдом отключил освещение в зале, оставив лишь прожектор на её стойке, а также вывел меня на систему звучания «Равенны». У тебя будут первоклассные игрушки. Когда Эмилия начнёт петь, я буду за стеной из темноты и её воображения ровно до тех пор, пока ты не явишь меня миру.

Музыкант с огнём в глазах посмотрел на брата:

- По-моему, нам выпал тот самый шанс один из ста.

Лука отпил кофе и поднял брови:

- И я о том же. До сих пор не верится.

Постучав по рулю, старший брат продолжил:

- Но и это не конец истории. План отступления тебе понятен. Несколько секунд после окончания музыки, а не финала эмоционального взаимодействия и молчания, тебе должно хватить, чтобы вылететь из будки и устремиться по начерченному маршруту в сторону окна, по пути вновь отключив свет. Я пойду на тёмную по памяти, эти проулки я выучил достаточно хорошо.

Младший брат думал.

- Охрану избегать не приходится, то есть, тут вопрос только в том, чтобы уходить не тем маршрутом, которым она пойдет нас искать.

- Именно.

Август застучал ногтями по картонному стакану и задумчиво проговорил, по пути представляя происходящее:

- Если всё слепится гладко, нам хватит пяти минут, чтобы исчезнуть с территории «Равенны», оставив красавицу с несколькими очевидными и романтичными уликами и догадками, кто же сейчас разделил с ней этот трогательный миг.

- Ага.

Поиск братьями точки, от которой можно оттолкнуться, прервало движение в главных дверях огромного театра. Вдруг Август суетливо дёрнул ручку-фиксатор кресла и упал в лежащее состояние с очень обеспокоенным видом. Нахмурившись, Лука шумно вздохнул в сторону законспирировавшегося брата и вернулся к рассмотрению происходящего у входа. Эмилия в ярко-красном пальто и с небольшой сумочкой на плече, вышла из театра в компании звукорежиссёра, и, попрощавшись с ним у последней ступеньки большой лестницы очаровательной улыбкой, расцветшую в дружеский смех, застучала каблуками в сторону выхода из парка. В этот момент кресло Луки рухнуло под заботливой рукой младшего брата и тот больно ударился о подголовник, влетев в него затылком и растянувшись во весь рост.

- Не самая большая боль из тех, что мы сегодня могли испытать.

На секунду девушка задержала взгляд зелёных, при этом освещении фонарей, звезд на одиноком сером автомобиле на парковке, но не рассмотрев ничего, что могло бы сдать конспираторов, продолжила путь в падающую от луны тень гигантских деревьев. Август вернул сиденье в исходное положение из горизонтального и заключил:

- Судя по всему, плана «Б» у нас не будет.

Глава 16. Оковы, сделанные в попытке быть свободным.

Все вокруг было скромно, но уютно, и первое, что бросалось в глаза – огромное количество нот. Ноты на столе, многократно перечеркнутые, ноты на фортепиано, бережно укрывающие драгоценные клавиши от чужих опасных глаз, ноты на обоях, и даже на чайной кружке. Часы показывали без нескольких минут восемь вечера. Август не славился склонностью к порядку, но все вокруг пребывало в удивительной гармонии с самим хозяином, его натурой, и, что главное, вызывало исключительно приятные эмоции.

Лука часто бывал у брата, когда тот готовился к выступлениям. Не имея таланта к пению, по собственной оценке, старший брат имел восхитительный слух и некоторые композиторские способности, но стоило кому-нибудь упомянуть об этой стороне его таланта, то он лишь отмахивался. Музыкой Лука не занимался профессионально, но способности и душа тянули его к этому миру, а потому он ограничивался лишь жизнью в окружении целой вселенной звуков, мелодий и песен. Гость упал в мягкое кресло-качалку, и стал оглядывать многочисленные музыкальные инструменты, и приглядываться к трижды опаленным гневом черного маркера листкам.

- Я не смогу помочь тебе ничем, кроме духовной поддержки. Я могу сидеть здесь, и кивать головой, когда ты будешь попадать в ноты.

Август качнулся от фортепиано к барной стойке, по пути сбросив с плеча полотенце.

- Ты говоришь так всегда, а потом подскакиваешь, и хватаешь листы, переписывая около трети, и всегда подкрепляешь это тем, что ты беспокоишься за мою карьеру.

Младший брат кочевал от инструмента к инструменту, поглаживая каждый из них, и не спеша вещал:

- И в этот момент я перестаю узнавать своего брата-писателя. Нет, в напоре тебе не откажешь, ты всегда славился этим, у нас похоже родовое что-то, но твои глаза... они меняются.

Лука набрал достаточный ритм раскачивания и не отводил глаз от пепельницы брата.

- Я вижу в тебе некоего другого человека, который всегда был немного другим, нежели твоя оболочка. Я вижу твои строки в тебе в этот момент, вижу в тебе твоих героев, твои метафоры и всю твою жизнь с другого угла зрения.

Август помедлил, но, сминая листы с нотами, продолжил:

- Я никогда не видел тебя за работой, но я готовь поставить все на свете, что именно таким ты пишешь. Не одержимый, а одухотворенный.

Лука, приподнявшись с кресла, подпер голову руками, и вновь погрузился в раздумья, но теперь уже вслух:

- Где-то внутри я втайне надеюсь, что смогу помочь тебе в подготовке, каждый раз, каждую ночь накануне, и моя надежда каждый раз обрастает такой силой, которую я уже не могу контролировать. Это то самое, что приходит и уходит. Но в то же время, я не хочу портить своим вмешательством твою работу, твою жизнь.

Август улыбнулся и похлопал посуровевшего брата по плечу:

- Не думаю, что они стали хуже от еще одного ряда вычеркиваний маркером.

Лука некоторое время смотрел прямо на Августа, а после, хлопнул его по плечу в ответ, отправился на кухню.

- Значит, кофе. Ночь будет долгой.

Лука не был фанатом кофе, но иногда прямо необъяснимо тянуло к этому напитку, и он считал, что умел в нем разбираться. Некоторые сорта были прямо по его вкусу.

- Кофе бывает разным. – говорил он всем подряд время от времени, - Но его запах тяжелой трудовой ночью порой избавляет от ненужных мыслей, оставляя в остатке ту самую идею, которую ты хочешь переложить на бумагу, транслировать из души.

- Стало быть, тебе просто нравится его запах. – неизменно отвечал Август.

По прошествии нескольких часов братья сидели друг напротив друга на полу, упершись спинами в стены. Лука, облаченный в спортивные штаны и в комфортную свободную майку с надписью на испанском, которую младший брат немедленно перевел. Значение Лука забыл почти сразу же. Август в длинной синтетической водолазке с капюшоном, натянутым на голову, выглядел немного мистически посреди ночи.

- Ты как трагический персонаж. Голову еще на колени опусти и смотри в пол.

- Если все твои трагические персонажи выглядят именно так, то мне тебя жаль.

- Если все твои остроумные реплики фанатам в зал на концертах звучат именно так, то ты выбрал неверную стезю.

Август пошуршал листами у своих ног, и поднял несколько:

- Что мы еще не прослушали?

Лука взял вторую часть испачканных в черниле и надеждах листов с кресла, и, меняя их местами в руках, с уверенностью в голосе ответил:

- Все прослушали. Все в твоих связках и душе. Все в твоих руках. Они либо растут, либо закидают тебя помидорами.

Август, теперь действительно уронивший голову на колени, говорил усталым голосом из маленького персонального бункера для головы из ног и рук:

- Всё сделано. Всё сделано, что от нас зависело.

Лука отпил из кружки. Стрелка на часах приближалась к четырем утра.

- Август, уж я-то знаю, как ты берешь эти ноты, когда ты смотришь не на меня, а сквозь меня. Я знаю, каким ты обладаешь талантом, когда не поешь в оковах, созданных в попытке быть свободным. Когда ты поешь не для того, чтобы достичь своей личной планки, а для того, чтобы чувствовать себя немного иначе, нежели всегда.

Август поднялся, звучно опустив свой стакан на подоконник.

- Почему ты каждый раз находишь необходимые слова? Нет, почему ты их ищешь? Это касается не только меня, и не только этой ситуации. Взять ту же Октавию, или, например, когда у Марка случился тот обвал во всем – он пришел к тебе, не сомневаясь ни секунды, что ты его примешь.

- Я, как мне кажется, просто не могу их не искать. В конце концов, пустым без них я всё равно себя не чувствую, а щедрость – это хорошо. Ну и отчасти потому что ты мой брат.

Писатель улыбнулся и поднялся, встав в полный рост рядом с братом.

- Так вот если мне дано большое сердце, то частички его я могу прикреплять не только к страницам своих книг, но и давать тем, которые в нем нуждаются. Я сентиментален, эмоционален и решителен. И я не могу дать это, поделиться? Кто же я после этого буду, если не оторву тебе кусочек этого огромного пазла «Я», чтобы ты поднял голову выше, устроил всему городу магию, да такую, чтобы светлячки в зале летали.

Август отвернулся к окну, не находя, что ответить. Его глаза были мокрыми, а брат редко позволял себе такое.

- Кхм... В последние дни я совсем дал слабинку.

Август смотрел на мозаику ночных окон города.

- Ты не только сам сентиментален, но можешь и других «одарить» этим.

Лука присоединился к нему у окна.

- Это и вправду дар, Август. Если не смотреть на это слово поверхностно, а вложить в него целый особый тип человека, способного не пускать слезы по любому поводу, а ощущать всю эту непомерную вселенную капельку ближе и тоньше, чем другие.

- А еще какое-то время назад ты меня бы бил.

Август двинулся к небольшому деревянному возвышению в гостиной, которое было уставлено самыми разными музыкальными инструментами и служившее домашней сценой. На мгновение младший брат задержался, еще не взойдя на сцену. Помедлив, он мысленно прокрутил перед взором все свои неудачные пробы и выступления, сравнив их количество с удачными. Причмокнув от досады, он решил во что бы то ни стало разорвать порочный круг.

Глава 17. Самые талантливые люди своего времени.

Лука совсем не был похож на продюсера, а Август совсем не был похож на заглавного артиста вечера. Братья толкались в гримёрке, едва уворачиваясь от obsługi, приведённых Эриком для помощи в шоу. Многие из них лишились работы в самых разных местах – от театров до костюмерных агентств, и порой совсем не из-за компетентности. Попугай знал множество людей со сквернейшим характером, которым не хватало места в тех мирах, которые созданы не ими. Сонг считал это качеством большим талантом противостояния системе и всячески помогал людям с такой судьбой способами, похожими на имевший место быть в этот вечер.

Впрочем, сегодня Лука и Август совершенно не отказались от такого наплыва сложных людей, потому что все они благополучно еще накануне заняли свои рабочие места в «Дельфине» и вписались в безлюдное пространство гримёрки и технической зоны очень гармонично. Теперь здесь уже не журчал ручей пары-тройки людей из основной креативной группы театра, а гремела самая настоящая горная река из костюмеров, художников и просто мастеров на все руки. «Дельфин» уже совершенно точно ожил. Казавшееся большим в пустоте пространство теперь кипело и выплескивалось через несколько окон, ведущих на задний двор театра, сейчас предусмотрительно спрятанного братьями плакатами и винтажным забором от посторонних глаз. Парк «Дельфина» нуждался в капитальной перестройке и ремонте, поскольку он, в отличие, от основного здания, вообще не использовался минимум лет семь, и это самые оптимистичные прогнозы, а потому хоть и был до сих пор красив и очарователен, притягивал сегодня он именно своей запущенностью и дикостью. На парк времени Сагаделло не выделил, потому всё осталось таким, какое оно есть.

При первом планировании Лука посчитал, что после первого шоу парк обязательно займет своё место в графике работ по преобразению театра. Некогда этот знаменательный задний двор был одним из самых красивых в городе и уж точно самым романтичным.

- У тебя немногим больше пятнадцати минут. Все уже тут?

- А как же.

Братья молчали, потому что в последние дни было сказано и так слишком много всего, как хорошего, так и плохого. Эмоциональный накал обоих приблизился к критической отметке, и, если Лука выглядел внешне спокойным, то Август, похоже, намеренно подвёл себя к точке кипения, чтобы в нужный момент дозированно это выдавать публике. «Дельфин» получил полный зал, в котором сочетались как люди из творческого общества, так и совершенно их других областей: здесь были и доктора, и учёные, и некоторые из руководства города – всем было интересно поглазеть на преобразование главного театра конца прошлого века. Лука посмотрел на часы и позвонил в колокольчик, раздавшийся эхом во всех помещениях закулисья. Отовсюду постепенно начали стекаться, как стая к вожаку, персонал и творческая группа во главе с Эриком, перещеголявшим самого себя в нарядах.

Лука собрал всех вокруг себя и попросил сплотиться максимально близко, сформировав круг.

- Обниматься необязательно.

Закулисье «Дельфина» хохотнуло. Писатель и, теперь уже, продюсер чувствовал прилив сил, несмотря на многие бессонные ночи, и сейчас собирался поделиться ими со всеми, кто имел отношение к сегодняшнему шоу:

- Знаете, я никогда не представлял, каково это – поднимать больного из лап смерти обратно в мир живых. И не знаю до сих пор, потому что все наши усилия, искусственные дыхания бесполезны без этого последнего разряда. Сегодня весь город будет смотреть на нас с особым прищуром, с пристрастием и через темные очки. «Дельфин» давным-давно уже не

то место, которое наполняет сердца пришедших восхищением, и я с этим согласен, отчасти, стоит мне только выглянуть на задний двор.

Собравшиеся люди вновь ответили смехом, но множество глаз, устремлённых на Луку, смотрели уже не с интересом, а с неподдельным горячим огнём.

- Я не чувствую беспокойства за сегодняшний вечер. У нас здесь самый талантливый музыкант своего времени, самая дерзкая и яркая команда, самобытный и нестандартный оркестр, получивший второй шанс на признание. Друзья, у нас здесь даже Попугай (Эрик поднял шляпу в знак то ли благодарности, то ли негодования). Но вот зал, ожидающий нас всех без исключения в той или иной степени, сомневается в том, что мы можем их удивить. Театр, шоу, представления, номера – что угодно, это комбинация, мозаика, калейдоскоп, и каждый из нас по-своему преломит попадающий в него лучик прожектора, в итоге влившись в общий ансамбль цвета. А потому (Лука двинулся в сторону сцены, сопровождаемый взглядами новой команды «Дельфина» и следуя по дорожке из расступающихся людей), пора сказать им те слова, которые мы так кропотливо для них готовили.

Закулисье «Дельфина» подозрительно взорвалось криками, не дошедших до публики из-за шума в зале. Вбежав по трём ступенькам мимо другой, круговой, лестницы, Лука оказался на подсвеченной аллее, выводившей артиста из пещеры прямо на главную сцену, и остановился. Через несколько секунд к нему присоединился брат, по пути застегивавший пуговицу на пиджаке. Из этого прохода был виден купавшийся в золотых и серебряных отблесках зал.

- Реклама удалась, по-моему.

- Скажи спасибо любопытству этих людей.

- Это они нам вроде как будут «спасибо» должны.

Братья были одеты костюмы одного кроя и модели, но совершенно разной цветовой гаммы. Лука был во всем чёрном, удостоившись шуток про похороны и священника за кулисами, Август – во всём светлом, начиная от туфель и заканчивая пиджаком. Сбросив усталость и напряжение, старший брат хлопнул Августа по плечу и оба двинулись в сторону зала быстрым ходом. Как это часто бывает в шоу такого формата, оно начинается неожиданно, с момента появления главных героев вечера. Лука рассматривал такой шаг, но решил начать с иного хода. Он резко погасил в зале свет, оставив лишь один прожектор, направленный на стойку, к которой из темноты выплыл Август. Начать шоу с песни, а не представления самих себя – тоже вариант, пускай и не такой оригинальный, но и в той же степени не избитый шаблонами. Август должен был представляться произведением, а не словами.

Лука оставался во тьме и оттуда сверкал глазами в попытках передать брату всю свою энергию. С выключением света только Эрик, Октавия и еще несколько людей, обладавших либо крепкими нервами, либо отсутствием интереса к шоу, не вздрогнули от неожиданности. Август оказался в центре внимания своего зала, и потянувшись к микрофону, дал начало первой песне новой эры «Дельфина», которую он слышал за последние недели, наверное, не меньше ста раз. Август часто экспериментировал с жанрами, хотя сам признавался, что петь в разных стилях ему не одинаково комфортно. Тем не менее, его опыт выступлений в разных местах приучил его к особенностям звучания практически каждого направления. С учётом этого и была составлена программа вечера, не включавшая невероятных с технической точки зрения номеров, но уклонявшаяся в эмоциональные и минималистические перформансы, трогавшие всех без исключения на репетициях. Игра черного и белого в качестве основной темы первого вечера стала единственно верной в условиях дефицита времени и средств. Альтернативы ей не было, и Луку это даже радовало.

Сейчас Август купался в белом луче единственного светила зала «Дельфина», и это действительно создавало ту самую атмосферу двух цветов, в которой есть два титана, поочередно захватывающих власть, но акцент на выступающем от этого не меняется. Бег остальных мелких прожекторов был не суетливым и диким, а плавным и очерченным в фантазии труппы зара-

нее. Август начал с «Gone», которую очень любили оба брата. Сейчас, подходя к бриджу, он всё больше выплескивал накопившуюся энергию в едином потоке, падающем словно маленький водопад со сцены, расплывавшемся между столиков, и, казалось, терявшегося где-то в груди каждого зрителя. Наконец, мягко ударив по струнам, музыкант закончил вступительную песню, а зал, замолкнул на несколько секунд, включился резким и оглушительным криком. Август поклонился и поплёлся в сторону темноты в закулисы, где его быстро подхватил Лука.

- У тебя пара минут и мы идём на представление. Ты как?

Август выдохнул и хлопнул старшего брата по плечу.

- Я себе это представлял совершенно иначе. Только две детали остались неизменными.

- Что за детали?

- Мой братец рядом со мной и... множество богатеев в зале. Остальное в диковинку.

Лука посмотрел в сторону сцены:

- Помещение действительно не влезает ни в какие фантазии.

- В твою, похоже, все-таки влезло.

- У меня особые рамки.

Август перевёл дыхание, словно бы снова зарядившись необходимой энергией изнутри себя.

- Идём, дадим им возможность знать своих героев.

- Не будь таким наивным, умоляю. Только не сейчас.

Лука дал отмашку и помещение резко зажглось всеми возможными оттенками золотого и желтого, стало переливаться украшениями гостей и столовыми приборами. Аллея резко взорвалась небольшими вспышками лампочек, усеянных вдоль нее, а сцена отразилась в люстрах на потолке. Не успели люди закончить перешептывание и удивиться происходящему, как на сцене появились и мгновенно разошлись в разные её части два брата, каждый – к своей стойке с микрофоном.

Зал немедленно отреагировал аплодисментами, а Лука поспешил затушить их характерным движением руки, поглядывая с улыбкой на Августа. Не дожидаясь окончания овации, Лука, перекрикивая шум, поприветствовал народ:

- Здравствуйте, дамы и господа!

С другой части сцены ему вторил Август:

- Добрый вечер, друзья!

Лука снял микрофон со стойки и выдвинулся ближе к концу сцены, вплотную к залу, чувствуя заряженность этого небольшого, но великого слуги артистического дела, так долго бывшего не у дел.

- Быть может, кто-то из вас шёл сюда целенаправленно, а кто-то случайно, но, думаю, мне, каждый прибыл с намерением увидеть первое после долгого перерыва знаменитое волшебное шоу «Дельфина»! Нельзя забыть это место, если хотя бы раз побывать в нём во время по-настоящему легендарного шоу. И оно слишком долго простаивало, чтобы появились сомневающиеся в его магии.

Эстафету у старшего брата перехватил главный герой сегодняшней программы:

- Все дороги отныне ведут в «Дельфин», и тоннели снова приведут вас на самые задворки эмоций, где всё ощущается совершенно необыкновенно.

Они оказались по две стороны сцены, разделённые линией между цветами прожектора. Лука остался единственным чёрным пятном на ослепительно белой половине, Август – лучом света в крошечной тьме. Такая игра визуализатора заставила публику встрепенуться от неожиданности и красоты. Братья синхронно развели руки в едином порыве, словно обнимая зал, а тот отозвался им приветственными аплодисментами. Лука облокотился на входную арку, дававшую начало пути на сцену, и рассматривал поющего у самого обрыва, у самой аудитории, Августа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.